А. Ф. Литвина [a]
ORCID: 0000-0003-2740-0904
✉ *annalitvina@gmail.com*
Ф. Б. Успенский [bc]
ORCID: 0000-0001-5364-0173
✉ *fjodoruspenski@yandex.ru*
[a] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*
[b] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*
[c] *Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)*

Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI — начала XIII в.

Аннотация. В работе обсуждается общий принцип герметичности династического именослова домонгольских Рюриковичей, не позволяющий нехристианским именам князей появляться где-либо за пределами правящего дома. Рассматривается весь спектр подлинных и мнимых отступлений от этого принципа, анализируются факторы, делающие подобные отступления допустимыми. Право на имя, функционирование имен и их трансфер во внединастическую среду оказываются теснейшим образом связаны со структурой власти и взаимодействием княжеского дома со своим элитарным окружением. Проблема кровного, некровного и искусственного родства правителя как средства организации властных отношений, тема политической мобильности знати и ее роли в междукняжеских конфликтах, роль родовых принципов в управлении страной — все эти и целый ряд других дискуссионных зон в истории домонгольского времени могут вполне продуктивно рассматриваться в ономастическом ракурсе. Ответ на вопрос о том, как, когда и почему такие антропонимы, как *Судислав*, *Вячеслав*, *Рогволод* или *Ярополк*, вдруг могли оказаться в распоряжении людей некняжеского происхождения, нередко становится ключевым при исследовании самых разнообразных союзов, конфликтов и протяженных стратегических линий в жизни Древней Руси домонгольского времени.

Ключевые слова: Домонгольская Русь, династия Рюриковичей, выбор имени, княжеские имена, принципы имянаречения, элитарное окружение князя, бояре, посадники

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

© А. Ф. ЛИТВИНА, Ф. Б. УСПЕНСКИЙ

Для цитирования: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Княжье имя за пределами княжеского рода на Руси XI — начала XIII в. // Шаги/Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 9–45. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-9-45.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2020 г.
Принято к печати 25 января 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 3. 2021
Articles

A. F. Litvina [a]
ORCID: 0000-0003-2740-0904
✉ *annalitvina@gmail.com*

F. B. Uspenskij [bc]
ORCID: 0000-0001-5364-0173
✉ *fjodoruspenski@yandex.ru*

[a] *National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)*
[b] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*
[c] *V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

Princely names beyond the princely dynasty in 11th — early 13th century Rus'

Abstract. The paper discusses the general principle of the dynastic onomasticon of the pre-Mongol Rurikids, which was closedness: the pagan names of the princes were not supposed to be used by anyone outside of the ruling house. The present work covers the whole range of actual and phantom deviations from this principle, presenting an analysis of what might make these deviations acceptable. The right to a certain name, the functioning of the names and their transfer to non-dynastic strata are very closely linked with the power structure and the interaction between the princely family and their elite milieu. The subject of the ruler's kinship (either consanguinity, affinity or fictive kinship) as a tool of construction of power relationships, the subject of the political mobility of the nobles and their role in conflicts between princes, the role of kinship in government — all these and many other controversial issues of pre-Mongol Russian history can be quite fruitfully studied from the onomastic perspective. The answer to the question of how, when and why such personal names as *Sudislav*, *Viacheslav*, *Rogvolod* or *Iaropolk* could suddenly become available for non-princely children, is often crucial for studies dealing with the various alliances, conflicts and long-term strategies of pre-Mongol Old Rus'.

© A. F. LITVINA, & F. B. USPENSKIJ

Keywords: pre-Mongol Rus', Rurikid dynasty, choice of a name, dynastic names, name-giving rules, elite milieu of the prince, *boyars*, *posadniks*

To cite this article: Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2021). Princely names beyond the princely dynasty in 11th — early 13th century Rus'. *Shagi / Steps,* 7(3), 9–45. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-3-9-45.

Acknowledgements. The article was prepared under a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-908).

Received November 4, 2020
Accepted January 25, 2021

Подавляющее большинство нехристианских имен правителей Руси являло собой своеобразную неотчуждаемую собственность династии. Во всяком случае с середины XI столетия русские князья Рюриковичи, как правило, получали такие династические имена, которые по своей структуре могли быть похожи на имена представителей их элитарного окружения, но при этом отнюдь не совпадали с ними. Так, в правящем доме той поры мы обнаруживаем множество людей с именами *Владимир* и *Святослав*, а среди их приближенных *Володислава*, *Яволода* или *Мирослава*. Структурно все это двухосновные композиты, варьирующие сочетания совсем небольшого числа славянских корней, но при этом результаты этого варьирования у князей и некнязей получаются разными.

Прагматика такого разделения достаточно прозрачна. В родовом мире знать стремится из поколения в поколение воспроизводить имена собственных предков, подчеркивая преемственность по отношению к ним, некое семейное единство и целостность, выделяющие и отчасти противопоставляющие данный клан всем прочим. Для Рюриковичей, усилиями нескольких первых поколений заполучивших власть над страной и удерживавших ее очень долго, идея преемственности властных привилегий по праву крови приобретает огромную роль, но и оборотная сторона этой преемственности — уникальность прав собственного рода — становится не менее важной. Антропонимический консерватизм и противопоставление своих семейных имен чужим, свойственный средневековой элите как таковой, из несколько расплывчатой тенденции стремительно превращается у них в устойчивые правила — имя оказывается своеобразным маркером властных полномочий.

Так был сформирован корпус из двух десятков нехристианских имен, которые успешно воспроизводились в длинной череде поколений правящего рода и далеко не сразу сдали свои позиции под напором имен христианских. Сам по себе этот феномен отождествления права на имя и права на власть весьма интересен и значим для общего династического портрета Рюриковичей. Но не менее интересными и информативными могут оказаться те явления, которые противоречат, по крайней мере на первый взгляд, этому общему принципу герметичности династического именослова.

Почему, пусть и в весьма редких случаях, мы обнаруживаем отдельные княжеские имена за пределами правящего дома? Как кажется, исследование этих единичных исключений способно пролить свет на, так сказать, смежные и не менее интересные вопросы: что, собственно, послужило источником для наречения первых поколений Рюриковичей на Руси, кто входил в ближний круг правящей семьи и как этот круг возник?

Приведем для начала то, что мы обозначаем как устойчивый наследуемый набор мужских нехристианских имен княжеского дома: *Рюрик*, *Игорь*, *Олег*, *Святослав*, *Ярополк*, *Владимир*, *Святополк*, *Изяслав*, *Всеволод*, *Ярослав*, *Борис*, *Глеб*, *Мстислав*, *Вячеслав*, *Брячислав*, *Всеслав*, *Рогволод*, *Ростислав*, *Володарь*, *Ингварь*. Все названные здесь имена появляются в генеалогической системе Рюриковичей хотя бы дважды, а значительная их часть — гораздо чаще. Сразу же бросается в глаза, что большинство этих антропонимов вошло в династический именослов как раз в ту пору, когда князья активно расширяли свои владения и утверждали собственную власть в их пределах, условно говоря, на протяжении начальных четырех-пяти поколений — от появления на Руси Рюрика до наречения сыновей Владимира Святого. В дальнейшем какие бы то ни было инновации здесь оказываются по преимуществу точечными или маргинальными, хотя род как таковой продолжает активно расти и расширяться. Так, три новых имени (*Рогволод*, *Всеслав*, *Брячислав*) появятся в полоцкой линии династии и два из них никогда не будут подхвачены прочими князьями, а третье — *Брячислав* — лишь единожды всплывет в другой ветви семьи. Ярослав, сын Владимира Святого, обогатит династический антропонимикон именем *Вячеслав*; представитель следующего поколения, его сын Владимир (а, быть может, и сам Ярослав, активно участвовавший, как мы знаем, в наречении внуков) привнесет еще одно-единственное новшество — *Ростислав*. В свою очередь, Ростислав Владимирич вводит в родовой обиход имя *Володарь*, назвав так одного из своих сыновей. Заметно позже, во второй половине XII в., в династии появится имя *Ингварь*, антропоним вполне самостоятельный и при этом очевидно связанный с более древним княжеским *Игорь*[1].

Прочие тринадцать имен вошли в династический оборот не позже эпохи правления крестителя Руси Владимира (*Рюрик*, *Игорь*, *Олег*, *Святослав*, *Ярополк*, *Владимир*, *Святополк*, *Изяслав*, *Всеволод*, *Ярослав*, *Борис*, *Глеб*, *Мстислав*). Здесь, однако, необходимо указать на две существенные особенности формирования этого первоначального антропонимикона. С одной стороны, некоторые имена возникают в нем как бы через голову второго и тре-

[1] Еще одно неожиданное и несколько загадочное нехристианское княжеское имя — *Шварн* — однократно появится в династии практически за гранью интересующего периода, в XIII столетии. Оно обнаруживается в галицко-волынской ветви дома, у сына Даниила Романовича. К этому времени ономастическая история юго-западной части династии обретает известную самостоятельность и, соответственно, требует отдельного изучения, безусловно выходящего за рамки этой работы. Пожалуй, здесь стоит обратить внимание на то обстоятельство, что веком ранее мы обнаруживаем на страницах летописей боярина по имени *Шварн*, в конце XII столетия мы находим трех женщин, обладательниц патронима *Шварновна*, состоящих в браке с тремя русскими князьями. Собственно говоря, браки для двух из них обустраивал могущественный супруг третьей — Всеволод Большое Гнездо. Подробнее об имени *Шварн* см.: [Литвина, Успенский 2006: 374–380], с указанием литературы.

тьего поколений русских князей. Имя *Рюрик*, насколько мы можем судить по источникам, не воспроизвели в имянаречении своих детей ни его сын Игорь, ни внук Святослав, ни правнук Владимир — оно вернется в династию лишь в середине XI столетия. Некоторая пауза ожидала и имя Игоря Рюриковича: мы не находим его в дошедшем до нас антропонимиконе его внуков, сыновей Святослава, и правнуков, сыновей Владимира. Лишь Ярослав Мудрый вновь обратится к имени прадеда, называя одного из младших сыновей. Если же говорить об изгладившихся из летописной памяти династических родственных связях, то следует вспомнить, что *Игорем* именовался некий загадочный родич Игоря Старого (сына Рюрика), быть может, его племянник, упоминание о котором сохранилось исключительно в договоре руси с греками.

С другой стороны, и это не менее существенный аспект выбора династических имен, часть антропонимов, принадлежавших первым поколениям князей, в дальнейшей династической практике вовсе не пошла в дело. Речь идет об именах родных братьев Рюрика, *Синеус* и *Трувор*, которые упомянуты в летописи, и таких именах сыновей Владимира Святого, как *Вышеслав*, *Станислав*, *Позвизд* и *Судислав*, — ни одно из них в дальнейшей антропонимической практике Рюриковичей ни разу не воспроизводилось.

Каким же из всех перечисленных имен удалось хотя бы раз просочиться наружу, за пределы династии? Какие из них, судя по источникам, могли достаться некнязьям? Из первоначального набора, закрепленного в династии первыми четырьмя поколениями Рюриковичей, это имя *Ярополк*, из успешных инноваций XI в. — *Вячеслав* и *Рогволод*, из имен, так сказать, одноразовых, введенных в обиход Владимиром Святым, но в дальнейшем в династии не задействованных, — *Судислав*, *Станислав* и, возможно, *Вышеслав*. Остановимся подробнее на тех путях и причинах, благодаря которым в каждой из этих зон произошла своеобразная разгерметизация княжеского антропонимикона и соответствующее династическое имя попало во внешний мир.

> Примечание. Укажем попутно несколько случаев ложного заимствования династических имен в некняжескую среду. Подобные казусы могут рождаться, в частности, под пером переписчика. Так, в Ипатьевской летописи под 1136 г. фигурирует некий тысяцкий, имя и отчество которого чрезвычайно напоминает княжеское — его зовут *Давыд Ярославич* [ПСРЛ (2): 298]. Если обладателем христианского имени *Давыд* мог быть любой человек, то обнаружение патронима, образованного от одного из самых значимых для династии имен, *Ярослав*, могло бы стать своего рода ономастической сенсацией, если бы в Лаврентьевской летописи этот же человек не именовался *Давыдом Ярунovичем* [ПСРЛ (1): 304]. Со всей очевидностью, в Ипатьевской летописи мы имеем дело с ошибкой позднейшего копирования, в результате которого редкостное *Ярунович* было заменено на более привычное *Ярославич*. В данном фрагменте текста такого рода искажение представляется вполне естественным еще и потому, что здесь это не единственное имя, с которым сводчику трудно было сладить. Так, отчество участника событий, названного непосредственно вслед за Давыдом, предстает перед нами в четырех разных вариантах: в Ипатьевском списке Станислав Добрый представлен как *Тудъкович*, в Хлебниковском — *Тукович*, в Лаврентьевском — *Тудькович*, в Радзивилловском — *Тютькович*, а в Академическом как *Тютыкович*. Никаких других эпизодов, относящихся к домонгольскому времени, когда имя *Ярослав* выходило

бы за пределы правящего дома Рюриковичей, в нашем распоряжении нет, а его популярность в династии оставалась неизменно высокой, так что у нас есть все основания видеть в нем пресловутую неотчуждаемую собственность княжеского рода.

Еще один казус, якобы свидетельствующий о появлении сугубо княжеского имени у представителя русской знати, рождается под пером современных исследователей. Речь идет о некоем персонаже середины XIII столетия по имени *Мстислав*, который в указателе к Ипатьевской летописи охарактеризован как боярин галицкий [ПСРЛ (2): xxii]. Некий обладатель имени *Мстислав* без какого бы то ни было отчества появляется при описании приходящегося на 1245 г. сражения под Ярославом (статья 6757). Как справедливо отмечает Д. Домбровский [Dąbrowski 2012: 257, примеч. 668], отсутствие патронима делает точную идентификацию этого лица крайне затруднительной, но едва ли стоит сомневаться в его принадлежности к княжескому роду. Весьма существенно, на наш взгляд, что он действует в паре с князем Всеволодом Александровичем (именно по отношению к ним в летописи употребляются глаголы в двойственном числе), а боярин Василий Глебович хотя и участвует в этом эпизоде, но объединен с ними не столь тесно [ПСРЛ (2): 803]. Разумеется, это обстоятельство заставляет нас заподозрить, что Мстислав был молодым княжичем, близким родственником (сыном?) Всеволода Александровича, тем более что для этой ветви имя *Мстислав* было весьма важным — так звали родного деда Даниила и Василька Романовичей и родного прадеда Всеволода Александровича Белзского.

В новгородской берестяной грамоте № 804, стратиграфически относящейся к последней трети XII в., присутствует обращение к некоему Рюрѣ. А. А. Зализняк считал, что здесь представлена уменьшительная форма имени *Рюрик*, которое до тех пор встречалась в древнерусских источниках только в качестве княжеского. Исследователь полагал, что «грамота № 804 показывает, что по крайней мере в Новгороде этого ограничения не существовало» [Зализняк 2004: 390–391]. Между тем нет никаких надежных оснований, позволяющих считать антропоним *Рюря* гипокористической формой имени *Рюрик*. Здесь, как и во множестве других случаев, когда мы имеем дело с гипокористикой, есть много возможностей и никакой определенности. Наиболее смелым может выглядеть предположение, что мы имеем дело с очередным варьированием имени *Георгий* (*Гюрята*, *Гюрги*, *Юрьи*, *Дюрди* и т. п.). Куда вероятнее, что оно принадлежит к своеобразному кругу имен с варьирующим повтором слога типа *Зюзя* (*Зюзюка*), *Тютя* (*Тютька*), *Дюдя* (*Дюдько*, *Дюдень*) и т. п., которые зачастую вовсе не являются производными от некой полной формы. Так или иначе, ни в одной новгородской берестяной грамоте нет ни одного человека некняжеского происхождения, который именовался бы *Рюриком*, и, с другой стороны, ни в них, ни в каком-либо древнерусском тексте, относящемся к этому времени, мы не обнаружим князя, который звался бы *Рюря*, так что в данном случае у нас попросту нет оснований говорить о совпадении имен некоего новгородца и князя из рода Рюриковичей.

Несколько сложнее обстоит дело с именованием еще одного человека, жившего в XIII столетии. К интересующему нас сюжету проникновения княжеских имен в некняжескую среду могла бы иметь отношение фиксация его отчества, которую мы наблюдаем в новгородском летописании. Речь идет об одном из тех людей, которые в конфликте между Мстиславом Мстиславичем Удатным и его зятем Ярославом Всеволодичем, случившемся в 1216 г., первоначально заявили себя как сторонники Мстислава, но потом внезапно переметнулись к Ярославу. В Новгородской летописи он показан как *Гаврила Иго-*

ревич [ПСРЛ (3): 55, 255]. Человек с таким именем и княжеским патронимом упомянут в этой летописи лишь единожды, и никакого знатного новгородца по имени *Игорь* ни в эти, ни в предшествующие годы мы не обнаруживаем. Вместе с тем здесь же мы обнаруживаем целый ряд обладателей графически близкого, но некняжеского имени *Ивор*. Наиболее существенно, что на начальном этапе интересующего нас конфликта засевший в Торжке Ярослав посылает в Новгород за своей женой (дочерью Мстислава Мстиславича) своих приверженцев Ивора и Чапоноса [Там же: 54]. Если предположить, что наш Гаврила на деле был не *Игоревичем*, а *Иворовичем*, то становится понятно, почему он в эти сложнейшие для новгородцев времена, когда «поидоша сынове на отця, брат на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ», в последний момент переменил свое решение и присоединился к той стороне, на которой был его отец Ивор. Правдоподобности этой гипотезе придает и тот факт, что человек по имени *Гаврила Иворович* и в самом деле существовал: согласно Галицко-Волынской летописи, несколькими годами ранее он присоединяется к другому зятю Мстислава Мстиславича, юному Даниилу Романовичу, во время бегства последнего из Галича, бегства, закончившегося в дружественных объятиях тестя [ПСРЛ (2): 734–735]. Оговоримся, впрочем, что подобная трактовка, подразумевающая в Новгородской I летописи ошибочное написание *Игоревич* вместо *Иворович*, требует дальнейшего исследования и аргументации.

В качестве общей, в целом довольно успешно работающей модели можно предложить следующее построение: династическое имя способно попасть в некняжескую среду лишь с того момента, когда сами князья перестают им активно пользоваться. При этом для зрелого династического именослова сама по себе такая невостребованность — большая редкость. В XII в., например, нужны были какие-то весьма специфические обстоятельства, которые вели бы к выпадению из династического обихода уже воспринятого им имени. Ни безвременная гибель князя, ни рядовая внутриродовая распря явно не были достаточной причиной для того, чтобы имя предка было сочтено негодным для повтора. В использовании конкретных имен бывали свои приливы и отливы, когда тот или иной антропоним воспроизводится то достаточно часто, практически одновременно в нескольких княжеских семьях, то весьма редко, явно отходя на второй план или даже теряясь на время, но лишь в исключительных случаях — навсегда. Последнее легче всего происходит, по-видимому, с именами, еще толком не успевшими закрепиться в династии, они же, как кажется, легче всего становятся добычей княжеского окружения. Повторимся, впрочем, что даже и в этом случае антропонимический трансфер не мог совершиться без весьма существенных на то резонов. Ниже мы попытаемся продемонстрировать, что резоны эти скорее оставались универсальными для всего домонгольского времени, однако отдельные параметры и особенности перехода имени из княжеской среды в некняжескую могли разниться в зависимости от того, когда и каким образом то или иное именование попало к Рюриковичам. Начнем, пожалуй, с наиболее выразительной группы таких отчужденных антропонимов.

Неприжившиеся инновации Владимира Святого

Судислав

Нагляднее всего причины и обстоятельства выпадения какой бы то ни было единицы из княжеского именослова видны на примере имени *Судислав*. Летопись отмечает, что это имя было дано одному из сыновей Владимира Святого, но появляется оно лишь в более лаконичном из двух общих списков детей этого князя, так что никаких сведений об этнической принадлежности его матери и тем более о ее происхождении или имени мы не получаем. Ничего не сказано и о том, что отец выделил ему какую-то область для княжения[2]. В известии, относящемся к 1036 г., мы застаем князя во Пскове, когда его династическая карьера оказывается раз и навсегда разрушена — он оклеветан перед своим старшим братом Ярославом Мудрым, и тот сажает его в поруб, где Судиславу Владимиричу суждено будет провести значительную часть жизни, пока его не выпустят оттуда племянники. На свободе Судислав оказался лишь для того, чтобы принять постриг. Летописец счел нужным подчеркнуть, как долго князь просидел в заточении, указав точную цифру — 24 года — и сообщив заодно, что он принес Ярославичам некие клятвы, очевидно упраздняющие его родовое старшинство и любые притязания на власть. Характерно при этом, что никакие мирские обеты не показались бы достаточными, если бы он не стал монахом (позднее даже этот шаг не всегда мог избавить князя от подозрений во властных претензиях — настолько сильной стала у Рюриковичей идея неотъемлемости династических прав, приобретаемых по крови, по рождению). Судиславу суждено было прожить еще некоторое время — он умер в 1063 г. [ПСРЛ (1): 163] и наследников, судя по летописи, по себе не оставил.

По-видимому, весьма длительное отсутствие каких бы то ни было властных полномочий и полный отказ от них вкупе с отсутствием сыновей, переживших отца, и оказались теми чрезвычайными обстоятельствами, благодаря которым имя князя не воспроизводится в династии. У него не может быть родных внуков и правнуков, которых бы назвали в его честь, и после него не осталось владений, символические претензии на которые имело бы смысл заявлять с помощью имянаречения более отдаленным родственникам.

Обратим внимание, что отказ от имени был шагом столь кардинальным, что для него династии потребовались оба этих фактора — длительное безвластие и отсутствие наследника. Брат Судислава (единокровный или двоюродный) Святополк умер, потерпев поражение в распре и спасаясь бегством, сыновей он после себя, судя по летописи, не оставил. Именно его, как известно, русская книжная традиция обвиняет в гибели свв. Бориса и Глеба. Однако все это не помешало его династическому имени воспроизводиться в нескольких последующих поколениях, ведь при жизни он успел, пусть и на короткое время, сделаться киевским князем, а до того вполне благополучно посидеть в Турове, выделенном ему отцовской волей.

---

[2] Сведения такого рода отсутствуют в древнейших летописных сводах. В Софийской же и в Новгородской IV летописях указано, напротив, что при отце Судиславу выделяется Псков.

Еще более показателен в этом отношении казус Игоря Ольговича, который столетие с лишним спустя был растерзан толпой киевлян, успев уже лишиться всех властных привилегий и принять постриг. Сыновей-наследников он, судя по всему, не оставил [Литвина, Успенский 2020а: 28–29]. Однако в его княжеской карьере потеря власти была лишь недавним поражением — немногим ранее он претендовал на Киев и даже на краткий миг его заполучил. Кроме того, сама его трагическая кончина задавала возможность для канонизации или по крайней мере местного почитания, так что имя Игоря Ольговича хотя и не становится в династии сверхпопулярным (отсутствие родных сыновей все же сделало свое дело), но так или иначе подхватывается в имянаречении его родного племянника, Игоря Святославича Новгород-Северского, и более отдаленного родича — рязанского князя Игоря Глебовича.

Имя же злополучного Судислава Владимирича династия решительно отвергнет, здесь мы его больше никогда не увидим.

Тем более существенно, что в своей полной форме столетие с лишним спустя имя *Судислав* фиксируется в летописи у знатного человека, который жил и действовал в Галиче и принадлежал к совершенно особенной — с точки зрения места и статуса в жизни региона и династии — категории лиц. Нередко в исследовательской литературе его называют главой партии противников Даниила Романовича Галицкого, однако роль этого замечательного в своем роде политического деятеля далеко не сводится к противостоянию какому-либо одному князю.

Мы наблюдаем его на политической арене более двух десятилетий, с 1211 по 1234 г., и все это время имя Судислава не сходит со страниц Галицко-Волынской летописи. В борьбе за галицкое княжество он противостоит сыновьям Игоря Новгород-Северского, претендующего на этот край по косвенной женской линии [ПСРЛ (2): 724], но иногда, впрочем, готов сыграть им на руку. На какое-то время Судислав становится активным союзником Мстислава Мстиславича Удатного, и, хотя повествователь устами Мстислава выражает недовольство советами этого боярина, весомость этих советов представляется столь значительной, что именно они заставляют Мстислава отдать Галич венгерскому королевичу Андрашу в обход Даниила. Успел Судислав поучаствовать и в устройстве брака королевича с дочерью Мстислава [Там же: 748–749].

В конце концов именно венгерский наследник Андраш оказывается главным объектом опеки Судислава, и когда королевичу удается наконец заполучить Галич, то Судислав правит городом не в меньшей, а то и в большей степени, нежели венгерский принц. Когда же Андраш на время был принужден оставить галицкое княжение, то, по утверждению летописца, Судислав был тем единственным человеком, кто уезжал вместе с ним и на кого обрушились все проклятья галичан. В дальнейшем Судислав сумел вместе с королевичем вернуться в Галич и лишь после смерти Андраша в осажденном городе уехал в Венгрию, где его следы теряются.

Можно сказать, что летописный образ Судислава наделен как теми характеристиками и возможностями, которые обыкновенно даются лишь князьям, так и теми, какими обладают ближайшие к князю люди. Подобно князю, он располагает достаточным весом, чтобы привлечь на свою сторону иноземное войско. Даже если он оказывается в положении побежденного, то его власт-

ные претензии нельзя полностью игнорировать — он получает из рук победителя во владение целый город (Мстислав Мстиславич дает ему Звенигород) [Там же: 738]. Более того, Судиславу случается выступать в роли своего рода арбитра и советовать, кому из двух претендентов отдать искомый княжеский стол [Там же: 752]. Его отсутствие в городе служит для стороны противников сигналом к нападению [Там же: 758], ему принадлежит резиденция, находящаяся в своеобразном пограничье города и его окрестностей, а богатство этой резиденции поражает воображение тех, кому случается ее разграбить, само же это разграбление отвлекает нападающих от окончательного захвата Галича [Там же: 758]. Судислав выдает свою дочь за иноземного воеводу, чьи воинские амбиции всячески подчеркнуты высмеивающим его летописцем [Там же: 736]. Все это — характеристики, типичные скорее для княжеской летописной биографии. С другой стороны, Судислав, как это бывает с самыми приближенными к князьям людьми, берет на себя, например, функцию посла от Мстислава Мстиславича к его зятю Даниилу в тот момент, когда союзнические отношения между этими свойственниками, будучи весьма неустойчивыми, оказываются очень важны для старшего из них [Там же: 749]. При молодом Андраше его роль близка к той, что на Руси играют воспитатели, специально приставленные к юным княжичам, в силу тех или иных обстоятельств занявших самостоятельный стол [Пресняков 1908].

Такому модусу княжеского дядьки-регента в высшей степени соответствует «прикняжеский статус» тех людей, с которыми ему так или иначе приходится вступать в самую напряженную борьбу и в самый тесный союз. Это могут быть сыновья княжеского кормильца, один из которых, Владислав, умудрился перешагнуть ту, казалось бы, узкую, но весьма глубокую пропасть, отделяющую их от князей, и самому сесть на галицкий стол; это может быть вдова княжеского кормильца, которая настолько привержена интересам Судислава, что уговаривает своего зятя сдать город Ярослав [ПСРЛ (2): 765]. Иначе говоря, Судислав входит в круг тех лиц, с которыми самые разные князья с детства, если не с рождения, связаны узами особого типа, которые исследователями порой характеризуется как искусственное или конструируемое родство. Узы эти в родовом мире Средневековья порой оказываются не менее значимыми, чем узы свойства́ или даже подлинного родства по крови.

Таким образом, имя, которое некогда носил князь, в данном случае принадлежит человеку, статус которого ниже княжеского даже не на одну ступень, а лишь на полступени.

Был ли этот Судислав, которого иногда в исследовательской литературе именует *Великим*, единственным обладателем такого имени после князя Судислава Владимирича? Скорее всего, в галицко-волынских землях их было несколько, по крайней мере, весьма вероятно, что некий Судислав Ильич, также упоминаемый в летописи, — это отдельное лицо, самостоятельный носитель данного антропонима (ср. [Dąbrowski 2012: 532]).

Кроме того, в Новгородской летописи и в берестяных грамотах встречаются имена *Судило* (*Судил*) и *Судиша*[3]. В новгородских источниках за ними, со всей очевидностью, скрываются по крайней мере три разных человека, один

[3] См.: [ПСРЛ (3): 26, 212, 27, 214, 29, 216, 164; Зализняк 2004: 275, № 121а, 374–375, № 235].

из которых участвовал в переписке не позднее 10-х годов XII в., другой неоднократно становился посадником в 40-е годы этого же столетия и скончался в 1156 г., тогда как третий (Судиша) действовал, скорее всего, в 60–70-е годы XII в. Говоря об этих лицах, можно было бы выстроить весьма интересную картину бытования имени *Судислав* в Новгороде, однако здесь мы оказываемся в плену по крайней мере двух «если». Все наши построения будут актуальны только в том случае, если *Судил*, *Судило*, *Судиша* действительно являются гипокористическими формами имени *Судислав* и если все новгородские Судилы были не просто тезками, а находились друг с другом в родстве.

Последнее представляется весьма вероятным, тем более что время появления Судил и Судиши в источнике как нельзя лучше соответствует тому, что можно назвать шагом через поколение (внука называют в честь деда), столь характерного для имянаречения в родовой традиции. Судил, упоминаемый в грамоте широкого рубежа XI–XII вв. [Зализняк 2004: 275, № 121а], мог бы приходиться дедом (родным или двоюродным) посаднику Судиле Иванковичу, умершему в середине 50-х годов XII в., а Судише, в свою очередь, легко находится место в поколении внуков (родных, двоюродных или троюродных) этого посадника Судилы.

Более всего известий дошло до нас, естественным образом, от «среднего» из них. Этот Судила Иванкович был в числе противников партии Якуна Мирославича[4] и князя Святослава Ольговича, укрывался от них в Суздале у Юрия Долгорукого и, возвратившись оттуда вместе с Нежатой и Страшком, впервые получил посадничество, которое продлилось около трех лет. Примечательно, что одновременно с известием об их возвращении из Суздаля летопись упоминает, что Юрий дал приют только что с позором низверженным в Новгороде братьям Мирославичам, Якуну и Прокопию [ПСРЛ (3): 26], — очевидно, князь или его окружение поочередно поддерживали обе враждующие стороны новгородской знати. Став вторично посадником в 1147 г., Судила Иванкович удерживал власть на этот раз довольно долго, вплоть до 1156 г., однако вскоре после того, как в Киеве сел Юрий Долгорукий, он был изгнан из посадничества и через пять дней умер, а его место было отдано Якуну Мирославичу [Там же: 29]. Нет, таким образом, никаких сомнений, что Судила принадлежал к высшему слою новгородской знати (в исследовательской литературе небезосновательно принято считать его сыном посадника Иванка Павловича)[5], был

[4] Согласно реконструкции А. А. Гиппиуса и А. Е. Мусина, Якун и Судила были троюродными братьями и принадлежали к одному и тому же обширному роду Роговичей, потомков Рёгнвальда Ульвссона (Старого) [Gippius 2014: 393–396; Musin 2014: 394, 396]. В свете нашего исследования эта гипотеза представляется весьма соблазнительной, поскольку демонстрирует принадлежность Судилы к одному из варяжских по происхождению кланов, связанных с Рюриковичами узами свойства́, перерастающего в кровное родство. Не стоит, впрочем, забывать и о явном политическом противостоянии, которое существовало между двумя интересующими нас лицами, Якуном Мирославичем и Судилой Иванковичем — разумеется, оно не упраздняет гипотезу об их кровном родстве, но едва ли способно ее подкрепить.

[5] А. А. Гиппиус [2001: 65, табл.; Musin 2014, 394] полагает, что братом Судилы был Несъда и что имена этих братьев были связаны этимологически (устное сообщение; ср. также [Зализняк 2004: 357]). Такая гипотеза представляется очень перспективной в свете взаимодействия боярина Судислава и вдовы Нездилы в Галиче несколько десятилетий спустя. Не мог ли покойный муж последней быть попросту близким родичем галицкого Судислава, подобно тому, как родичами были, по-видимому, Судила и Несъда новгородские?

лично связан с Рюриковичами и ему случалось жить и действовать за пределами Новгорода, полагаясь на личное покровительство князя. Соответственно, некий отблеск этой элитарности падает и на его менее известных по источникам старшего и младшего тезок-(родичей?). Отметим попутно, что элитарный характер носит и сама семантика основы *-суд-*, связанная с определенными властными административными полномочиями.

Куда больше проблем, однако, вызывает в нашей реконструкции другое — собственно ономастическое — «если». Очевидно, что такие одноосновные антропонимические формы, как *Судил*(*а*/*о*) или *Судиша*, создают своеобразную зону неразличения — они могут отсылать сразу к нескольким двухосновным именам или восприниматься как отдельное полноценное имя. Поскольку же в новгородском материале из двухосновных имен с элементом *-суд-* обнаруживается только *Судимир*, у нас нет твердых оснований полагать, что приведенные выше формы восходят именно к интересующему нас *Судислав*[6]. Иными словами, сколько-нибудь уверенно мы можем говорить о присутствии имени *Судислав* только в галицко-волынском княжестве, тогда как в Новгороде его наличие можно лишь подозревать. Тем не менее долговременное присутствие в новгородской элитарной традиции его первого элемента *-суд-* сомнений не вызывает, и этот факт сам по себе небезынтересен для истории того антропонимического конструктора, из которого собираются княжеские имена. Задумываясь над тем, где Владимир Святой взял для своего сына имя *Судислав*, мы должны не упускать из виду, что несколько позже элемент *-суд-* окажется столь же органичным для севера Руси, сколь и для более южных и западных частей славянского мира.

Станислав

История другого «одноразового» династического имени — *Станислав* — может показаться менее яркой, поскольку в нашем распоряжении нет подробного описания обстоятельств, приведших к тому, что из династии оно выпало. Зато ареал его распространения в качестве имени некняжеского более широк и географически, и хронологически. Что касается исходного владельца этого антропонима, князя Станислава Владимирича, то о его матери и ее этнических корнях ничего не известно, точно так же, как и о материнской родне его брата Судислава. В поздних летописях сообщается, что от отца Станислав получил Смоленское княжество, однако в древнейшем летописании таких сведений нет, и в целом они выглядят скорее недостоверными. Решительно неизвестно, куда наш княжич делся после смерти отца, так что представляется вполне вероятным, что он попросту не пережил его и наследников, способных претендовать на власть, после себя не оставил. Именно такое положение дел объясняло бы исчезновение этого имени из династического антропонимикона, однако, повторимся, никаких бесспорных указаний на сей счет у нас нет.

Так или иначе, имя *Станислав*, не прижившись у Рюриковичей, всплывает в среде некняжеской элиты достаточно быстро, причем первый же известный

[6] Если все-таки *Судила* — это одна из форм интересующего нас имени *Судислав*, то уместно обратить внимание на то обстоятельство, что старший из упомянутых Судил должен был появиться на свет в последней трети XI в. [Зализняк 2004: 275, № 121а], т. е. в ту пору, когда не стало князя Судислава Владимирича.

нам случай его появления связан с лицом, входящим в круг непосредственных советников и приближенных князя.

Согласно той части Пространной Правды, которая именуется уставом Владимира Всеволодича (10-е годы XII в.), так звался переяславский тысяцкий, выступающий в роли свидетеля и/или участника составления этого законодательного текста:

> А се уставъ Володимерь Всеволодиця: по Святополци съзвавъ дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора Киевьскаго тысячьского, Прокопия тысячьского Бѣлогородского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновичя Олгова мужа... [ПСРЛ (3): 493].

Обратим внимание, что подобно тому, как в первой половине XIII в. в Галиче боярин Судислав существовал в союзе и противостоянии с обладателями двухосновных славянских имен *Мирослав* или *Володислав*, в начале XII в. носитель имени *Станислав* фигурирует в окружении людей с именами точно такими же или устроенными аналогичным образом (*Мирослав*, *Ратибор*)[7]. Ономастическая симметрия, на наш взгляд, соответствует здесь некой симметрии социальной.

Следующее по времени упоминание имени *Станислав* обнаруживается в столь же элитарном списке. Речь идет о самых знатных из людей, плененных или погибших в битве между младшими сыновьями Владимира Мономаха и Ольговичами (1136 г.):

> ...и ѩша болѩръ много . Двда Ѣруновича тысѧчьскаго Кыевьскаго и Станислава добраго Тудъковича и прочи҃ много [ПСРЛ (1): 304].

Поскольку битва происходила под Переяславлем, где, если полагаться на устав Владимира, почти четверть века назад некий Станислав был тысяцким, можно допустить, что в данном летописном пассаже речь идет о нем самом или, что куда вероятнее, о ком-то из его младших родичей (племяннике, внуке, внучатом племяннике и т. п.). Вполне вероятно также, что захваченный и казненный в 1148 г. переяславец Станиславич, пришедший с князем Глебом Юрьевичем (внуком Владимира Мономаха) сражаться против Мстислава Изяславича, был сыном или другим ближайшим младшим родичем Станислава Тудковича [ПСРЛ (2): 364].

Так или иначе, очевидно, что имя *Станислав* тесно связано с городом Переяславлем, тем самым, где так долго княжил отец Мономаха, Всеволод Ярославич, а затем и сам Мономах и куда русские князья позднее стремились перевести своего ближайшего наследника, родича, которому намеревались вскорости передать старший киевский стол.

---

[7] Решимся предположить, что фигурирующий здесь Мирослав — это тот же самый человек, что и знаменитый Мирослав Гюрятинич, неоднократно получавший посадничество в Новгороде, который впоследствии пытался мирить киевлян с черниговцами [ПСРЛ (3): 23, 208]. См. об этом подробнее: [Литвина, Успенский (в печати)].

С другой стороны, в конце XII — первой половине XIII в. это имя, насколько мы можем судить по источникам, не меньшей популярностью пользовалось и у той элиты, что была связана с Галичем. В 1209 г. братья Станиславичи — Иванко и Сбыслав — бегут из Божска, будучи, по-видимому, противниками той группировки, которую возглавляли Судислав и Володислав с братьями [ПСРЛ (2): 728]. Если исходить из того, что *Станиславичи* — это их патроним, а не более общее родовое именование, то следует полагать, что их отец, обладатель имени *Станислав*, родился не позднее последней трети XII столетия. Двумя десятками лет позже в галицких войнах подросших князей Даниила и Василько будет участвовать на довольно ответственных ролях некий Станислав Микулич [Там же: 756] — он вполне мог бы быть ближайшем потомком или родичем Иванка и Сбыслава Станиславичей (Сбыслав, к примеру, вполне мог носить имя *Николай* в крещении). Однако все предположения такого рода обречены, по-видимому, оставаться неверифицированными гипотезами. Так или иначе, имя *Станислав* воспроизводится здесь не менее, а то и более полувека, и носят его представители высшего эшелона элиты, которые лишь немногим уступают в статусе таким людям, как галицкий Судислав или переяславский тысяцкий Станислав.

Были ли *Станиславы* в Новгороде? При ответе на этот вопрос возникают те же трудности, что и с присутствием здесь обладателей имени *Судислав*. У новгородцев есть именование *Станил* и патроним *Станилович*, однако воспринимался ли соответствующий антропоним как самостоятельное имя или как производное от *Станислав* или *Станимир*? В свое время составитель Никоновской летописи реконструировал имя *Станислав* в списке «детей» смещенного новгородского посадника Дмитра Мирошкинича [ПСРЛ (10): 59], однако на деле в древнем новгородском летописании здесь фигурирует Твердислав Станилович [ПСРЛ (3): 51, 248]. Даже если мы склонны считать *Станил* гипокористической формой от некоего двухосновного имени, то с большей вероятностью ее можно возводить к *Станимир*, потому что полное *Станимир* в качестве личного имени и образованного от него патронима в Новгороде зафиксировано, а *Станислав* — нет. При этом с твердой уверенностью мы можем говорить лишь о том, что один из элементов этого композита, *-стан-*, в Новгороде известен и употребим. Для Переяславля же и галицко-волынского княжества могут быть реконструированы две цепочки повторов этого имени в нескольких поколениях, возможно, обусловленные родовыми связями их обладателей. О том, насколько связаны между собой эти региональные линии, галицкая и переяславская, сказать пока затруднительно.

Вышеслав

Проблема соотношения двухосновных и одноосновных (гипокористических?) форм имеет самое непосредственное отношение и к вопросу о том, перешло ли в антропонимикон знати третье из имен, однократно появившихся в династии при Владимире Святом. Попросту говоря, как соотносится княжеское *Вышеслав* и встречающееся у представителей элиты *Вышата*? Имеет ли отношение хотя бы к одному или к обоим этим антропонимам гипокористическая форма *Вышко*; как связано с ними именование *Вышена*? Что ка-

сается формы *Вышата*, то мы по крайней мере можем быть уверены, что, с одной стороны, образованиям на *-ата/ята* свойственно выступать в качестве производных от полных имен (ср. *Георгий* > *Гюрята*, *Климент* > *Климята*, а также *Жирята*, *Мирята* или *Гостята*), а не только в функции самостоятельного именования. С другой стороны, если допускать, что это и в самом деле гипокористическое образование от некоего двухосновного имени, то *Вышеслав*, скорее всего, является единственным кандидатом на роль производящего антропонима — никаких других имен с основой *-выш-* на Руси как будто бы не наблюдается.

При этом связь имени *Вышеслав* и *Вышата*, пожалуй, наиболее значима в свете интересующей нас проблемы, ведь Вышаты появляются на страницах летописей чрезвычайно рано, и по крайней мере об одном из них известно, что он состоял с родом Рюриковичей в неких семейственных отношениях. Под 1064 г. мы находим в «Повести временных лет» сообщение о том, что вместе с князем Ростиславом Владимиричем в Тмутаракань бегут два человека — Порей и Вышата, «сѣ҃ъ Ѡстромирь», воеводы новгородского [ПСРЛ (2): 152]. Новгородский же посадник Остромир в знаменитой приписке на созданном по его заказу Евангелии именуется *близоком* князя Изяслава Ярославича. Древнерусский термин *близок* может отсылать как к отношениям кровного родства (по-видимому, как это ни парадоксально, не самого ближайшего), так и — чаще — к отношениям свойства́, родства по браку. Коль скоро Остромир был княжеским свойственником или родственником, то таковым автоматически оказывается и его сын Вышата, но вот на чем именно зиждились эти родственные узы, в источниках не сообщается.

В исследовательской литературе можно столкнуться с двумя основными гипотезами на сей счет. Согласно одной из них, предполагается, что Остромир был внуком Добрыни, дяди Владимира Святого с материнской стороны, и, соответственно, приходился Владимиру племянником, а князю Изяславу Ярославичу троюродным дядей, что неплохо согласуется с теми категориями родства, которые покрываются семантикой термина *близок*[8]. Вышата в таком случае был бы четвероюродным братом этого князя. Другая гипотеза, предложенная А. Поппэ [1997], предполагает свойство́ Остромира с княжеским домом — его жена, Феофана, также упомянутая в записи на Евангелии, могла быть не кем иной, как дочерью Владимира Святого и византийской принцессы Анны[9].

Как известно, еще раз имя *Вышата* с пометой «отец Яня» появляется в летописи на 21 год раньше, при описании византийского похода 1043 г. Первоначально его отождествляли с Вышатой, сыном Остромира, но сейчас бо́льшая часть исследователей склоняется к тому, что это два разных человека. Сомнения в тождестве двух Вышат рождаются из хронологических выкладок.

[8] Обсуждение этой версии с указанием литературы см. в [Гимон 2013]. Автор приводит ряд собственных аргументов, свидетельствующих об особой близости сообщений, относящихся к Добрыне, Константину и Остромиру, однако совершенно справедливо отмечает, что нет ни одного сколько-нибудь безусловного доказательства кровного родства между этими лицами [Там же: 96–103].

[9] Тогда наш Вышата Остромирич мог бы оказаться кузеном киевского князя Изяслава Ярославича по материнской линии и, соответственно, двоюродным дядей Ростислава Владимирича, с которым он вместе бежит в Тмутаракань.

Янь Вышатич, «старец добрый», умирает в 1106 г., причем в сообщении о его кончине указывается, что отроду ему было 90 лет и он до последнего времени еще ездил верхом [ПСРЛ (1): 281]. Едва ли летописец, формирующий хронологическую сетку своего повествования, мог слишком сильно преувеличивать возраст весьма значимого для него информанта, так что Янь должен был появиться на свет не позднее конца 10-х годов XI в. Его отец, Вышата, соответственно, родился не позже самого начала XI столетия. Если Остромир был отцом этого Вышаты, то он, в свою очередь, должен был появиться на свет самое позднее в середине 80-х годов X в. При таком расчете Вышата бежит в Тмутаракань, находясь в довольно почтенном для русского Средневековья возрасте (60 с чем-то лет), а его отец Остромир заказывает вкладное Евангелие и держит посадничество в Новгороде, перевалив за 70-летний рубеж. Все это не представляется невероятным — в конце концов, долгожительство и отменное здоровье вполне могли быть наследственными качествами всех трех поколений этой семьи, однако определенные сомнения здесь неизбежны. Кроме того, Феофана едва ли могла быть одновременно дочерью византийской принцессы Анны (вышедшей замуж не ранее 988 г.) и родной бабушкой Яня Вышатича, родившегося во второй половине 10-х годов XI в. Это, впрочем, не мешает считать Остромира его дедом — в таком случае Феофана попросту могла быть не первой супругой новгородского наместника.

Казалось бы, мысль о тождестве людей с именем *Вышата* (Вышаты, отца Яня, и Вышаты, сына Остромира), фигурирующих в летописи под 1043 и 1064 гг., подкрепляется тем, что носитель этого имени теснейшим образом связан с совершенно определенной линией княжеского дома: так зовут воеводу при молодом князе Владимире Ярославиче и самого близкого сторонника сына этого князя — Ростислава Владимирича, многие годы находившегося в довольно трудной династической ситуации, поскольку ему довелось лишиться отца при жизни деда. На самом деле эта связь вовсе не обязательно указывает на то, что отцу и сыну помогает один и тот же человек. Скорее можно допустить, что речь идет о трех представителях одной и той же семьи, преданной конкретному княжескому дому, — Вышате Старшем, Остромире и Вышате Остромириче. Обратим внимание, что в приписке к Остромирову Евангелию всячески манифестируется связь донатора именно с князем Владимиром — автор этого текста в определенном смысле разграничивает то наследие, которое Изяслав Ярославич получил от отца, и то, что досталось ему же от брата Владимира. При этом в приписке подчеркивается, что наследие Владимира Ярославича, Новгород, князь поручил не кому иному, как Остромиру[10]. Еще раньше Вышеслав Старший был приставлен Ярославом Мудрым к своему сыну, отправляемому на новгородское княжение, а гораздо позже Вышата Остромирич (младший из двух Вышат?) бежит вместе с сыном Владимира Ярославича, Ростиславом, с Волыни в Тмутаракань.

Примеры подобной преданности некоего знатного рода определенной семье Рюриковичей можно отыскать, в частности, в рассказе Киево-Печерского

[10] «...Изѧславоу же кънѧзоу тогда прѣдрежѧщоу обѣ власти. и оїца своего Ꙗрослава и брата своего Володимира самъ же Изѧславъ кънѧзь правлѧаще столъ оїца своего Ꙗрослава Кыевѣ. А брата своего столъ порѫчи правити близокоу своему Остромироу Новѣгородѣ» [Востоков 1843: 294].

патерика, где сообщается, что Ярослав Мудрый поручает варягу Шимону/Симону службу при своем сыне Всеволоде, а в дальнейшем сын этого Шимона/Симона становится дядькой и чем-то вроде регента при внуке Всеволода, малолетнем Юрии Долгоруком, отправляемом в Суздаль. Когда же Долгорукому удается заполучить Киев, он, согласно рассказу патерика, отдает в управление Георгию Симоновичу «яко отцу» всю Суздальскую область [Абрамович 1911: 5]. Трудно не заметить параллелизм этого рассказа из патерика и истории взаимодействия рода Вышаты и Остромира с ветвью Владимира Ярославича.

С точки зрения нашей работы немаловажно, что сын Шимона/Симона носит имя *Георгий*, являясь, таким образом, тезкой двух князей: Ярослава/Георгия Мудрого по крестильному имени и своего подопечного Юрия Владимирича — по христианскому имени, уже ставшему династическим [Литвина, Успенский, 2020b: 88–90]. Существенно также, что род Шимона Варяга до поры до времени больше связан с определенным княжеским домом, а не с определенным регионом. Исходно Шимоновичи отнюдь не были суздальскими боярами — в этом городе они оказываются и оседают только благодаря тому, что именно туда был послан юный князь Юрий Владимирич Долгорукий.

История с именем *Вышата*, очевидным образом, не дает столь развернутой генеалогической последовательности, как рассказ патерика о роде пришлых варягов, осевших на Руси. Однако в свете интересующей нас проблемы выбора и передачи имени следует еще раз обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, если мы согласимся, что Вышат было двое и они состояли в родстве друг с другом, а соответственно, с ними обоими и друг с другом в некоем родстве состояли Остромир и Янь, перед нами развернется довольно обширная картина тех пространственных перемещений, обусловленных службой князю, которые один и тот же знатный род претерпевал на протяжении двух-трех поколений. Остромир хотя бы некоторое время живет в Новгороде, Вышата Старший, возможно, тоже находился там во времена новгородского княжения Владимира Ярославича, Янь Вышатич провел конец жизни в Киеве, а Вышата сын Остромира — по всей видимости, на Волыни и в Тмутаракани. В этой картине относительно мало что изменится, если допустить, что при отце и сыне, князьях Владимире и Ростиславе, состоял один и тот же человек по имени *Вышата* — в таком случае окажется, что ему одному довелось жить и в Киеве, и в Новгороде, и в Тмутаракани, и на Волыни.

Во-вторых, и это еще более существенно, этот род был связан с княжеским домом родством или свойством, которое в определенном поколении могло перейти в кровное родство по женской линии. Иными словами, если *Вышата* это не что иное, как гипокористика от *Вышеслав*, то его появление здесь было в той или иной степени спровоцировано родством по женской линии, одним из важнейших механизмов родового мира.

Ранее, говоря об имени *Станислав*, мы могли лишь констатировать, что вплоть до 60-х годов XII в. его обладатели связаны скорее с Переяславлем, а в конце века и в первой половине XIII столетия — с галицко-волынской землей, но у нас не было никаких данных о траектории распространения этого антропонима. Соответственно, какие бы то ни было предположения о связи

Станиславов переяславских и Станиславов галицких остаются сугубо реконструктивными. В случае же с именем *Вышата* дело обстоит хотя бы немногим яснее. Имя это, как и имя *Станислав*, в XIII столетии всплывает в галицко-волынской земле. Мы обнаруживаем его в составе патронима у того самого преданного зятя, Давыда Вышатича, который так полагался на свою тещу, что сдал город Ярослав сторонникам венгерского королевича [ПСРЛ (2): 764–765].

Фигура этой тещи не один раз привлекала внимание исследователей, поскольку не так часто случается, чтобы на страницах летописи решающим фактором в каком бы то ни было деле оказывались политические пристрастия женщины, которая к тому же не была ни княгиней, ни княжной-монахиней. Как мы уже упоминали выше, эта неординарная дама была супругой (скорее всего, вдовствующей) княжеского кормильца Нездилы и при этом являлась сторонницей Судислава. Таким образом, мы узнаем, что Нездила прижизненно или, так сказать, посмертно был сватом Вышаты, и это вполне недвусмысленно говорит о близости их социального статуса.

Этого Нездилу в исследовательской литературе, начиная с М. С. Грушевского [1904–1922 (3): 50], нередко отождествляют с отцом кормиличича Володислава (того самого, кому ненадолго удалось заполучить галицкий стол) и его братьев. В связи с этим отождествлением возникает целый ряд проблем и сюжетов, о которых нам еще предстоит говорить ниже, однако независимо от того, идет ли речь в Галицкой летописи о двух семьях княжеских кормильцев или об одной, очевидно, что мы имеем дело с людьми, максимально приближенными к Рюриковичам благодаря искусственному родству, и что воевода Давыд вместе со своим отцом Вышатой несомненно к этому кругу принадлежали.

Можно ли заподозрить какую-то связь между Вышатами, так сказать, ранними и их более поздним галицко-волынским тезкой? Если мы вспомним династическую биографию князя Ростислава Владимирича, одним из причудливых витков которой стало бегство в Тмутаракань вместе с Вышатой Остромиричем, то появление имени *Вышата* в самой элитарной части галицко-волынского боярства покажется совсем не удивительным.

Действительно, именно Волынь была выделена Ростиславу в управление его дядьями и именно в этих краях утвердились его сыновья, Рюрик, Володарь и Василько, а впоследствии внук и правнук, Владимир Галицкий и Ярослав Осмомысл. Естественно предположить, что Вышата Остромирич, не бросивший своего князя даже во дни тмутараканьской авантюры, оставался приверженен его семье и далее. Соответственно, он и его ближайшие потомки могли последовать за «своими князьями» на Волынь, осесть там и сохранить как свою близость к этой ветви династии, так и свой собственный родовой антропонимикон.

С ономастической точки зрения здесь любопытны два обстоятельства. С одной стороны, в кратком повествовательном фрагменте сходятся два антропонима, один из которых связан с династией наверняка (*Судислав*), а другой — с довольно высокой степенью вероятности (*Вышата* < *Вышеслав*?).

С другой стороны, легко представить, что такой сценарий, когда люди с именами *Вышата* и *Нездил* становятся сватами, разворачивался бы не на галицкой, а на новгородской почве — оба этих антропонима присутствуют у

новгородской знати XII — начала XIII столетия как в виде личных имен, так и в составе патронимов[11]. Не исключено, что новгородские Вышаты были потомками Остромира, державшего здесь посадничество в середине XI в., — судя по приписке к Евангелию, детей у Остромира было несколько, и если один из них, Вышата Остромирич, переселился со своей семьей на Волынь, то другие могли остаться в новгородских землях, воспроизводя традиционное для рода имя. Вполне вероятно, что для всех этапов бытования имени *Вышеслав* здесь на северо-западе особую роль сыграло и то обстоятельство, что Вышеслав, сын Владимира Святого, в свое время княжил именно в Новгороде[12].

Кроме того, если мы допускаем, что *Вышко* — это, как и *Вышата*, гипокористическая форма имени *Вышеслав*, то следует принять во внимание пассаж из Ипатьевской летописи, относящийся к началу 60-х годов XII столетия, где сообщается, что Вышко, посадник Мстислава Изяславича, был выгнан из Торческа [ПСРЛ (2): 519]. Данная ремарка, помимо всего прочего, могла бы задать альтернативную траекторию проникновения этого антропонима в галицкие земли: в конце XII в. Торческ в числе других киевских земель передается сыну Мстислава — Роману Галицкому[13].

Если же отважиться на расширение и углубление подобной реконструкции генеалогии знатной семьи, то нетрудно представить, каким образом интересующий нас Вышко в свое время стал приближенным Мстислава Изяславича. Судя по имени, он мог принадлежать к тому же роду, что и киевский тысяцкий Янь Вышатич. Родных сыновей Янь, судя по всему, по себе не оставил, однако его высокое положение в Киеве позволяло ему и собрать вокруг себя «близоков» и закрепить имя своего отца в антропонимиконе этих покровительствуемых родичей.

В целом же, мы полагаем, что такие антропонимические единицы, как *Вышата* и *Вышко*, дают возможность выстроить пусть и достаточно гипотетическую, но не лишенную правдоподобия историю рода, весьма обширного и настолько знатного, что он уже к середине XI в. состоял в кровной связи с Рюриковичами по женской линии. На протяжении всего домонгольского времени его представители были посадниками и воеводами в самых разных областях Руси и, что не менее важно, сохраняли личную близость с князьями, порой перемещаясь вместе с ними из региона в регион и формируя надежный круг дальнего и ближнего искусственного родства для правителя. Эти-то связи и обеспечивали Рюриковичам поддержку в ситуациях, когда приоритетное кровное родство по тем или иным причинам в очередной раз оказывалось источником конфликта.

---

[11] Так, мы находим его в берестяной грамоте из Старой Руссы, которая, по всей видимости, относится к середине XII в. [Зализняк 2004: 328–329 (Ст. Р. 15)].

[12] Не женился ли этот князь (подобно нескольким его родичам XII в.) на новгородке? Не объясняется ли родство Остромира и его сына Вышаты с Рюриковичами таким матримониальным союзом? Этот вопрос безусловно нуждается в дальнейшем исследовании.

[13] Необязательно думать, что потомки изгнанного посадника Вышко попросту пересидели 30 лет в этих землях — коль скоро Вышко был приближенным Мстислава Изяславича, то наследники этого изгнанника много лет спустя могли оказаться на службе у княжеского сына, где бы им ни пришлось провести десятилетия, отделяющие короткое княжение Мстислава в Киеве от сидения Романа в Галиче.

* * *

При сопоставлении всех этих данных вырисовывается контур общего механизма антропонимического трансфера сверху вниз. Сам факт, что в тех редких случаях, когда этот трансфер осуществляется, в роли получателя оказывается знать, а не, скажем, простолюдины, удивления, конечно же, не вызывает. Небезынтересно скорее, что именно это за знать и какие отношения с властью ассоциируются с передачей имени, некогда принадлежавшего династии. Интерес этот тем более естественен, что сведения о некняжеской элите, предоставляемые летописью, огорчительно скудны, фрагментарны и, в сущности, непоследовательны. В самом деле, отрезок Галицко-Волынской летописи, посвященный событиям 20–40-х годов XIII столетия, традиционно считается «боярским», сосредоточенным на роли и деяниях местной элиты, но даже здесь мы не найдем решительно никаких сведений ни о предках, ни о горизонтальных генеалогических связях, ни о кончине столь могущественного и влиятельного лица, как наш Судислав, чей политический вес был, по-видимому, сопоставим с весом иных русских династов. В целом же история знатных родов изобилует белыми пятнами, и пятна эти достигают таких размеров, что всякий разговор о структуре, функциональной дифференциации и ролевом распределении элит оказывается крайне затруднительным. Есть надежда, что ономастический подход способен хоть что-то прояснить в этой области.

В нарративе, в именослове, а по-видимому, и в реальности князей от некнязей в «исторический» период (в ту пору, когда уже ведется регулярное летописание) отделяет пропасть. В это время род Рюриковичей не имеет конкурентов в сфере властных полномочий, более того, никто из соотечественников как будто бы не выражает стремления говорить с ними на равных, не претендует на древность или знатность рода, сопоставимые с княжескими, — во всяком случае, именно так представлено дело в древнейшей русской историографии. Разумеется, сами князья всячески культивируют и манифестируют эту пропасть, а именослов, как уже говорилось, является весьма действенным средством подобной манифестации уникальности собственного рода. Однако именослов же и позволяет убедиться, что этот безусловно существующий разрыв допускает некое наведение мостов.

Княжеские имена, единожды появившиеся в династии при Владимире Святом, в дальнейшем уходят в те роды, на которых из поколения в поколение возлагаются своеобразные заместительные функции — наместника взрослого князя в том городе, где он не сидит; дядьки-регента при юном княжиче там, где нет его отца; свидетеля / участника при составлении юридического документа от лица правителя; опоры князя в ситуации, когда родичи по отцу отказывают ему в осуществлении наследственных прав. Словом, речь идет о той части аристократии, которая порой оказывается ниже самих Рюриковичей не на одну, а лишь на полступени, будучи связана с ними родством по женской линии или родством искусственным, конструируемым.

Все эти антропонимы — *Судислав*, *Станислав* и *Вышеслав* (?) — появляются за пределами правящего рода лишь после того, как сами князья перестают их использовать, и это, со всей очевидностью, не менее значимый принцип перемещения династического антропонима.

Разумеется, весьма важным параметром ономастического взаимодействия князей и прикняжеской элиты была бы скорость подхватывания выпадающих имен. Судьба имен сыновей Владимира не дает почвы для безапелляционных утверждений, но вполне позволяет предположить, что больших задержек и промедлений здесь не бывало, — коль скоро ближайшее поколение потомков Рюриковичей не проявляет интереса к тому или иному династическому имени, этот интерес просыпается в той особой среде, которая их окружала. Вопрос о том, как быстро начинается новая жизнь династических имен, отчасти может быть прояснен наблюдениями за другими группами, так сказать, переходных ономастических единиц.

Уязвимые династические инновации XI столетия

Как уже упоминалось выше, такого обилия нововведений, каковое мы находим в эпоху сыновей Владимира Святого, мы не встретим более ни в одном из поколений Рюриковичей. Но ни одному из тех имен, что появятся в династии позже, не было уготовано столь скорого забвения, как тем трем, что обсуждались нами только что. Такие антропонимы, как *Брячислав*, *Вячеслав* или *Рогволод*, появившиеся у внуков или правнуков Владимира Святого, затем по нескольку раз воспроизводились в династическом именослове. Тем не менее некоторые из них — а именно *Рогволод* и *Вячеслав* — мы обнаруживаем в летописных источниках и за пределами княжеских семей. При этом судьба их различна и нуждается в отдельном рассмотрении.

Немаловажным здесь оказывается то обстоятельство, что более поздние новшества, хотя подбирались как имена династические, а не крестильные, но появлялись в христианской стране на фоне сложившейся и устоявшейся практики наречения христианскими именами. Распространившаяся в княжеской среде двуименность позволяла двум ее компонентам, именам из родового фонда и из церковного календаря, существовать относительно автономно, но, разумеется, эта автономность не могла быть абсолютной, и два ономастикона, хотя и существовали на основании несколько различающихся принципов, полностью изолированы друг от друга не были.

Рогволод

Имя *Рогволод* выделяется в династическом антропонимиконе Рюриковичей сразу по нескольким параметрам. Прежде всего про него заведомо и наверняка известно, что оно приходит в княжеский дом благодаря родству по женской линии. Как мы знаем, так звали отца Рогнеды, матери четырех русских князей, Изяслава, Ярослава, Мстислава и Всеволода, и двух княжон. Подобного рода казус весьма ценен, так как он позволяет убедиться, что такой путь пополнения собственного именослова на ранних этапах существования династии был в принципе возможен, а, соответственно, реконструкции, основанные на заимствовании тех или имен из материнского рода, обретают куда большее правдоподобие.

Не менее существенно, однако, как именно это заимствование происходило. Прежде всего показательна его, так сказать, хронология — имя *Рогволод*

не получает ни один из родных сыновей Владимира и Рогнеды, не было оно дано и сыновьям Изяслава Владимирича, ветвь которого унаследовала Рогволодовы земли. Сыновья Изяслава, появившиеся на свет при жизни деда и бабки, были, как известно, наречены *Всеславом* и *Брячиславом* — совершенно новыми для династии именами. *Рогволодом* становится лишь правнук Изяслава Владимирича, внук Брячислава, князь Рогволод Всеславич.

Иными словами, оно появляется в правящем доме лишь в ту пору, когда времена Рогнеды и Владимира стали далеким прошлым, когда уже сформировалась традиция рефлексии, направленной на это прошлое. На это время приходится новый виток внутридинастической борьбы Рюриковичей, и в этой перспективе подобный выбор имени явным образом обособлял полоцкую ветвь от всего остального княжеского рода, причем эта обособленность признавалась и подчеркивалась всеми участниками конфликта.

В то же время антропоним *Роговолод* у полоцких князей давно воспринимался как имя одного из предков по отцу (Всеслав, выбравший его для своего сына, был правнуком Рогнеды и праправнуком первого Рогволода) и уж ни в коей мере не был свежим приобретением, позаимствованным из семьи матери нарекаемого княжича. Первоначальное родство по женской линии успело, так сказать, отстояться и сделаться для новорожденного родством по линии мужской. Еще одной существеннейшей характеристикой династической судьбы имени *Рогволод* окажется консервация этой обособленности — оно будет воспроизведено только у полочан и никакой другой ветвью правящего дома не подхватывается.

Однако было ли оно ко второй половине XI столетия исключительным достоянием Рюриковичей? Судя по летописи, собственных наследников у прибывшего из Скандинавии Рогволода (Рёгнвальда) Полоцкого, отца Рогнеды, не оставалось — обоих его безымянных сыновей истребил вместе с отцом будущий креститель Руси. Таким образом, передаваться по собственно мужской линии в этой семье имя *Рогволод* никак не могло. Однако несколько десятилетий спустя после его гибели на Руси появляется еще один Рёгнвальд, спутник шведской принцессы Ингигерд, жены Ярослава Мудрого. По всей видимости, этому Рёгнвальду суждено было стать прародителем обширного клана новгородских бояр Роговичей [Молчанов 1997a; 1997b; Гиппиус 2006; Musin 2014; Gippius 2014]. Характерно, однако, что это патронимическое образование по своей форме не совпадает напрямую с именем *Рогволод*, и, что еще более существенно, среди предполагаемых новгородских потомков этого рода вплоть до последней трети XII в. можно найти лишь христианское имя *Рагуил*, но не *Рогволод* и даже не *Рог*. Условно говоря, пока имя есть у князей, его нет в именослове элиты, и в этом отношении судьба имени *Рогволод* тождественна судьбе таких антропонимов, как *Станислав* или *Судислав*.

Появляется же имя *Рогволод* лишь в самом конце XII столетия, в ситуации с Полоцком вроде бы никак не связанной. Под 6700 г. в Ипатьевской летописи фигурирует некий человек по имени *Рогволод*, очевидно, приближенный молодого князя Ростислава Рюриковича:

> …и посла Ростиславъ Рогъволода ко ѡцю . просѧѧ с Чернъıми Клобоукъı на Половци . и не поусти его ѡць [ПСРЛ (2): 674].

Более никаких сведений об этом Рогволоде у нас нет, но имеются все основания полагать, что князем он не был. Кем же в таком случае этот человек, посылаемый юным княжичем к своему отцу, мог быть?

Имени *Рогволод* в линии Ростислава и его отца, Рюрика Ростиславича, никогда не встречалось, так что правило неприкосновенности княжеского антропонимического фонда соблюдено безусловно — нельзя сказать, что смоленские князья поделились династическим именем своей родовой ветви с кем-то из своих приближенных. С другой стороны, древний антропонимикон варяжских правителей Полоцка не был полностью чужд этой княжеской семье. Родную сестру Ростиславова деда, Ростислава Мстиславича, в честь которого молодой князь в свое время и был наречен, звали *Рогнедой*. Ипатьевская летопись запечатлевает особую близость Ростислава-старшего с этой своей сестрой: незадолго до смерти он специально заезжает к ней, обдумывая возможность пострижения в монашество [Там же: 531].

Появление подобного имени у девочки из семьи Мстислава Великого выглядит достаточно естественно — будучи женат на шведке Христине, он не одной дочери, а сразу трем дает имена с германской или скандинавской окраской и собственно русской предысторией, нарекая их *Ингибьёрг*, *Маль*(*м*)*фрид* и *Рогнеда* [Литвина, Успенский 2006: 366–367]. Родного брата Христины (т. е. шурина Мстислава Великого) звали *Рёгнвальдом*, и *Рёгнвальдом* (*Рогволодом*) же был, как уже говорилось, полоцкий прапрапрадед Мстислава, однако само это имя князь при наречении сыновей использовать не захотел — оно в его глазах несомненно было атрибутом иной, полоцкой ветви княжеского рода. Для наречения же дочери имя *Рогнеда*, варьирующее антропоним из рода матери и воспроизводящее старинный антропоним из рода отца, годилось как нельзя лучше.

Судя по обстоятельствам встречи с братом, Рогнеда в 1167 г. не была монахиней, но при этом ничего не сказано о ее муже, и она нигде не именуется *княгиней*. Благодаря сочетанию этих деталей можно, как кажется, воссоздать образ вдовы, урожденной Рюриковны, некогда выданной замуж за представителя элиты. Княжнам из правящего дома иной раз случалось в ту пору вступать в брак с соотечественниками, не принадлежащими к династии, — именно это произошло, например, с одной из дочерей Юрия Долгорукого, кузиной нашей Рогнеды (ср. [Там же: 258, 263, 333, примеч. 26]).

Если это предположение верно, то появляющийся в летописи Рогволод, который, напомним, не будучи князем, весьма близок к юному Ростиславу Рюриковичу, вполне мог быть внуком Рогнеды, т. е. троюродным братом князя Ростислава, чем и объяснялся бы выбор его необычного имени. Это тем более вероятно, если вспомнить, насколько молодой Ростислав Рюрикович любил в своих смелых военных предприятиях кооперироваться с родичами своего поколения — например, с кузеном Мстиславом Мстиславичем Удатным, который в детстве, возможно, жил в его семье [Там же: 296–314]. В любом случае, чтобы выполнять деликатную роль ходатая перед отцом княжича и при этом быть названным по имени в летописи, Рогволод должен был обладать неким особым статусом в семье киевского князя, и место Ростиславова двоюродного племянника некняжеского происхождения этому статусу отвечало бы в полной мере.

Мог ли этот таинственный Рогволод быть не внуком Рогнеды Мстиславны, а попросту представителем обширного и весьма знатного клана новгородских Роговичей? Разумеется, такое возможно. Делая подобное предположение, од-

нако, следует учитывать, что одно вовсе не исключает другого: наш Рогволод одновременно мог принадлежать к клану Роговичей и быть внуком княжны Рогнеды. В самом деле, весьма вероятно, что Рогнеда Мстиславна была тем или иным образом связана с Новгородом не только в юности, но и под конец жизни, — во всяком случае, в найденном в церкви Благовещения на Городище граффито, возможно, присутствует упоминание о ее кончине [Гиппиус, Михеев 2019: 43, № 4, ил. 6].

Как кажется, допустимым объяснением такой связи — если она и в самом деле существовала — могло бы быть новгородское происхождение ее мужа. Такая версия хорошо согласуется с тем, что ее отец, Мстислав, долгие годы был новгородским князем и даже женился вторым браком на новгородке. Здесь же в свое время сидели на княжении братья Рогнеды, Всеволод и Святополк, причем старший из них вслед за отцом «оженися в Новегороде». Представляется вполне правдоподобным, что и для Рогнеды был устроен такой матримониальный союз, укрепляющий связи княжеской семьи с обширнейшим кланом потомков Рёгнвальда Ладожского.

Существенно, однако, что вне зависимости от того, случилось ли Рогнеде с ними породниться или нет, в этом роду имя *Рогволод* никогда не использовалось одновременно с Рюриковичами — мы не найдем его здесь ни в ту эпоху, пока был жив первый Рогволод в династии, Рогволод Всеславич (конец XI — первая треть XII в.), ни в ту пору, когда жил и действовал его племянник, Рогволод Борисович. Во всяком случае, последнее упоминание Рогволода Борисовича, связанное с надписью на камне с изображением креста, относится к 1171 г. По всей видимости, этот князь был к тому времени уже очень немолод (его отец скончался в 1128 г.), и смерть его последовала, надо думать, достаточно скоро. Соответственно, есть все основания полагать, что наш Рогволод, посланец молодого Ростислава Рюриковича, упоминающийся под 1192 г., получил свое имя вскоре после того, как оно «освободилось» в династии, когда сошел с исторической арены последний князь, его носивший. Таким образом, независимо от того, к какому роду он принадлежал, мы можем констатировать, что имя *Рогволод* (*Рёгнвальд*) так или иначе присутствовало на Руси в некняжеской среде до середины XI в. и после начала 70-х годов XII столетия, а в означенный промежуток появлялось лишь у Рюриковичей и ни у кого более.

Вячеслав

Еще одно имя из «поствладимирских» времен, *Вячеслав*, следует на деле рассмотреть в комплексе с именами *Борис* и *Глеб*, введенными в оборот именно Владимиром. Хорошо известно, что антропонимы *Борис* и *Глеб*, будучи исходно родовыми некалендарными именами, относительно быстро после прославления князей-мучеников Бориса (Романа) и Глеба (Давида) входят не только в княжеский церковный обиход, но и в церковный календарь, становясь полноправными элементами самых различных богослужебных книг, от стихирарей до Мстиславова Евангелия.

С этого момента фактически аннулируется граница между княжеским и некняжеским в их использовании. Как известно, христианские имена на Руси были общим достоянием, и ничего запретного не было в том, чтобы князь и любой из его подданных оказывались тезками по крестильному имени. Соот-

ветственно, уже с конца XI в. имена *Борис* и *Глеб* распространяются за пределы княжеского рода, а в XII — начале XIII столетия представлены в общерусском именослове весьма широко.

История бытования этих антропонимов на Руси не раз привлекала внимание исследователей, так что нет нужды останавливаться на ней подробно. Отметим лишь, что если у князей домонгольского времени в использовании этих имен святых братьев наблюдается относительный паритет (с незначительным перевесом в пользу имени *Глеб*), а в дальнейшем у Рюриковичей, в особенности принадлежащих к правящему московскому дому, *Борис* сохраняется довольно долго, тогда как *Глеб* рано уходит из употребления совсем, то в некняжеской среде имя *Борис* уже в XII–XIII вв. существенно опережает по популярности имя *Глеб*.

Можно сказать, что в самых общих чертах функционирование имени *Вячеслав* осуществлялось по той же модели, которая была актуальна для имен *Борис* и *Глеб*. Обладатель родового некалендарного имени принимает мученическую кончину, оказывается прославлен как святой, его имя попадает в церковный месяцеслов и, наконец, свободно дается в крещении за пределами династии. При этом сама траектория, по которой имя *Вячеслав* распространяется на Руси в качестве крестильного, имеет целый ряд отличительных особенностей.

Прежде всего есть основания полагать, что имя чешского князя-мученика Вячеслава (Вацлава) проникло в династию Рюриковичей в ту пору, когда у себя на родине он был уже канонизирован, однако первому своему обладателю среди Рюриковичей, Вячеславу Ярославичу, оно достается еще не в качестве крестильного. Судя по сфрагистическим данным, он носил в крещении имя *Меркурий* [Янин 1970 (1): 16, 168], а *Вячеслав* оставалось для него лишь династическим именем. Русский Вячеслав появился на свет в 1036 г. Существовал ли уже в ту пору у его отца Ярослава замысел церковного прославления своих убитых братьев? Соотносил ли он уже тогда их грядущую канонизацию с канонизацией Вацлава Чешского? К сожалению, определенно ответить на этот вопрос невозможно прежде всего потому, что неизвестно точное время первого перенесения мощей святых братьев, осуществленное Ярославом, а хронологический разброс дат, предлагаемых исследователями, весьма широк, от 20-х до 40-х годов XI в.

Так или иначе, культ св. Вацлава со всей определенностью фиксируется на Руси с последней трети XI столетия, и его значимость для истории прославления свв. Бориса и Глеба отмечается в текстах этой эпохи. В дальнейшем самому имени *Вячеслав* была уготована судьба, по всей видимости, типичная для исходно некалендарных антропонимов с прозрачной собственно славянской внутренней формой. Отнюдь не все из них приживаются в церковном календаре, а при наиболее благоприятном сценарии этот процесс укоренения происходит на Руси в несколько этапов. Поначалу новопрославленный святой обыкновенно фигурирует лишь под своим христианским именем, затем его некалендарное имя — наряду с крестильным — проникает в месяцеслов, но и тогда необходимо некоторое время и удачное стечение обстоятельств, чтобы оно вошло в обиход христианского имянаречения и на деле стало использоваться как крестильное.

Имени *Вячеслав* еще нет в месяцеслове Остромирова Евангелия 1056–1057 гг., оно уже наличествует в Архангельском Евангелии 1092 г., но при этом в записанном несколько позднее месяцеслове Мстиславова Евангелия не фиксируется. Еще медленнее, по-видимому, этот антропоним укореняется в церков-

ной практике крещения младенцев. Иными словами, в качестве христианского имени у некнязей *Вячеслав* распространяется лишь к середине XII в., если судить по дошедшим до нас данным, причем в некняжеской среде оно было популярно несколько более, чем имя *Глеб*, но менее, чем *Борис*.

Тот факт, что к концу XII в. оно имело хождение за пределами династии именно в качестве крестильного, сомнений не вызывает. Счастливым образом Новгородская I летопись сохранила сведения о монашеском имени Вячеслава Прокшинича — он постригается как *Варлаам*. Хорошо известно при этом, что иноческие имена на Руси в большинстве случаев подбираются двумя способами: по тому святому, на память которого пришлось пострижение, и по созвучию с крестильным именем постригаемого. При этом нет ни одного примера, чтобы монашеское имя подбиралось к имени нехристианскому, некалендарному. Соответственно, если новгородец **В**ячеслав Прокшинич постригся как ***В**арлаам*, то, не прибегая к маловероятной версии случайного совпадения, следует признать, что *Вячеславом* он был в крещении.

В то же время специфическая природа этого имени, сочетавшего ясность семантики с принадлежностью церковному календарю, в имянаречении элиты давала о себе знать. В Новгородской I летописи фигурируют два брата (один из которых был тысяцким), Вячеслав и Богуслав [ПСРЛ (3): 67]. Трудно усомниться, что имена братьев, как это часто бывало, тем или иным образом подбирались друг к другу, а скорее всего и к имени их отца — *Горислав* [Там же: 68, 275, 71–72, 280–281]. При этом нарекающих, по-видимому, не смущало, что первое было включено в святцы, а второе нет. Здесь мы наблюдаем сложную игру, когда одно из имен — крестильное, тогда как второе, с идентичной структурой, лишь обладает некой благочестивой, квазитеофорной семантикой.

Что же касается самих Рюриковичей, то после кончины первого носителя этого имени, Вячеслава / Меркурия Ярославича, оно переживает кратковременный всплеск популярности. Причины такой вспышки понятны: погиб Борис, единственный сын Вячеслава[14], и эта ветвь наследников Ярослава Мудрого пресеклась полностью. Соответственно, имя Вячеслава Ярославича, как и его княжеское наследие, оказалось открытым для более отдаленных родичей.

Так или иначе, в 80-е годы XI в. Вячеславы появляется практически одновременно в двух соперничающих семьях потомков Ярослава Мудрого — так нарекают внука Изяслава Ярославича, Вячеслава Ярополчича, и внука Всеволода Ярославича, Вячеслава Владимирича. Были ли две эти семьи вовлечены в культ св. Вацлава или в процессе имянаречения они сосредоточились исключительно на наследии родича и соперника, Вячеслава / Меркурия, наверняка сказать затруднительно. Есть, однако, некоторые основания полагать, что в одной из этих семей, у Владимира Всеволодича Мономаха, оно еще использовалось как династическое, но не крестильное. На это указывает прежде всего отсутствие памяти св. Вацлава в Мстиславовом Евангелии, выполненном по заказу родного старшего брата Вячеслава Владимирича[15]. Кроме того, насколько нам известно,

[14] Не было ли само имя *Борис* подобрано к отчеству *Вячеславич* с оглядкой на связь между прославлением св. Вацлава и свв. Бориса и Глеба?

[15] Известно, с одной стороны, что Мстислав Великий смолоду был достаточно близок с Вячеславом [Литвина, Успенский 2020а: 25–26]. С другой стороны, очевидно, что небесные патроны других ближайших членов семьи заказчика в месяцеслове присутствовали.

Мономах всем своим сыновьям, рожденным в первом браке (а Вячеслав несомненно принадлежал к их числу), последовательно давал по два имени (княжеское + крестильное), и под крестильными именами они не правили [Литвина, Успенский 2006: 16–25, 117–131]. Заметим, впрочем, что второго — крестильного — имени Вячеслава Владимирича до нас не дошло.

Наши сведения об антропонимическом досье Вячеслава Ярополчича еще более ограничены, поскольку он рано осиротел и сам умер молодым (в 1104 г.); ничего решительно о его других именах нам не известно. В дальнейшем это имя не исчезает из династического обихода полностью, но популярность его явно редуцируется. Вероятно, это связано с трудной судьбой двух только что упомянутых его обладателей — у Вячеслава Владимирича к моменту кончины были сыновья названные (племянники Изяслав и Ростислав), но не было родных, Вячеслав Ярополчич также не оставил по себе наследников. В результате имя *Вячеслав* вовсе выпало из антропонимикона Мономашичей, а в угасающей ветви потомков Изяслава Ярославича успело появиться лишь один раз — так был наречен двоюродный племянник Вячеслава Ярополчича, сын Ярослава Святополчича, князь клецкий.

Еще двух, а возможно, даже и трех Вячеславов с довольно неясным и, по-видимому, не самым высоким статусом мы на протяжении XII — начале XIII в. обнаруживаем в полоцком доме Рюриковичей. Обратим внимание, что с определенного времени по отношению к ним в источниках употребляется гипокористическая форма *Вячко*, и это, помимо всего прочего, делает более правдоподобной гипотезу о том, что интересовавшее нас имя *Вышко* восходит не к чему иному, как к двухосновному *Вышеслав*. Так или иначе, со второй половины XII в. имя *Вячеслав* уже раритетно для Рюриковичей в каком бы то ни было качестве, а при этом на Руси в целом известно как христианское.

* * *

Таким образом, этот ономастический сюжет стоит особняком по отношению ко всем рассмотренным нами прежде и, строго говоря, мы имеем здесь дело не с непосредственным трансфером династического имени за пределы династии, но с совсем иной моделью — превращением княжеского антропонима в общедоступный христианский. Эта модель, со всей очевидностью, не является основным объектом нашего исследования. Существенно, тем не менее, что подобные пути расширения сферы бытования княжеского имени так или иначе создавали для современников некий общий фон и прецедент подвижности родового именослова. Кроме того, быть может, говоря о династических именах со сложной судьбой, следует учитывать, что местное почитание Рюриковичей в домонгольское время могло не сводиться к тем фигурам, культ которых закрепился в дальнейшей церковной практике.

Что же касается имени *Рогволод*, то траектория его бытования, напротив, весьма близка к той, что мы наблюдали на примере переходных имен эпохи Владимира Святого. При этом — благодаря тому, что история его появления у Рюриковичей приходится на время, куда детальнее освещенное в источниках, — оказывается возможным точнее проследить важные особенности его трансфера. Здесь налицо следы путешествия имени «туда и обратно» — мы знаем, что на Руси оно присутствовало не только после того, как оно побывало в руках династии, но и до этого времени. Не менее существенен и тот факт,

что его появление в правящем роду определяется наследованием по женской линии, но не прямым и немедленным, а отсроченным на несколько поколений. С другой стороны, судьба имени *Рогволод* позволяет убедиться, насколько незамедлительно такие антропонимы, выйдя из княжьего обихода, подхватываются элитой и насколько близок князьям человек, его получающий.

Ярополк

Быть может, самый неординарный и в то же время один из самых наглядных казусов перехода княжеского антропонима в некняжескую среду связан с именем *Ярополк*. Это, так сказать, довладимирский элемент антропонимикона Рюриковичей — первым из династов имя *Ярополк* получил тот сын князя Святослава Игоревича, который унаследовал от отца власть над Киевом. Владимир, младший брат и виновник гибели Ярополка Святославича, не пожелал воспроизвести это имя полностью в наречении собственных детей, но — прибегнув к традиционному для германцев, а в дальнейшем и для Рюриковичей приему варьирования родового имени — назвал одного из сыновей *Свято-полком* (того, кому предание приписывало двойное отцовство, самого Владимира и Ярополка), а другого *Яро-славом*. Последующая судьба антропонима *Святополк* в династии была во многом обусловлена двумя факторами: *Ярополк* и *Святополк* — единственные из династических имен с элементом *-полк* — обыкновенно воспринимались как имена парные, а, кроме того, имя *Святополк* из-за той роли, которая досталась Святополку Окаянному в церковной традиции, было обречено на постепенное вытеснение, однако произошло это вытеснение далеко не сразу.

Обратим внимание, что сыновья Владимира не используют ни имени *Святополк*, ни имени *Ярополк*, называя своих детей. Первое из них едва ли было уместно в принципе — обычая давать имя живого дяди в ту пору в династии, как кажется, еще не существовало, а обстоятельства биографии и, в особенности, гибели Святополка были таковы, что едва ли Ярослав Мудрый мог захотеть использовать имя брата-соперника (единокровного или сводного) после его смерти. Что же касается имени *Ярополк*, то, по всей видимости, в первую половину правления Ярослава, в ту пору, когда на свет появлялись его сыновья, на нем, можно полагать, еще лежала тень противостояния и убийства, отбрасываемая эпохой Владимира Святого. Существенно, однако, что позднее, давно уже будучи единовластным правителем Руси и выстраивая свою программу христианской жизни династии, Ярослав Мудрый совершает весьма нетривиальное действо — в 1044 г. он перезахоранивает останки своих дядьев, Ярополка и Олега, в Десятинной церкви.

Подобный акт продления христианской истории собственного рода не замедлил отразиться в династическом имянаречении — в именах своих старших внуков Ярослав отчасти воспроизводил стратегию, которую использовал при наречении своих сыновей, и вместе с тем как будто бы отважился на то, чего не решался сделать прежде. Сын Всеволода Ярославича станет *Владимиром* (в честь родного деда и рано умершего дяди), один из сыновей Святослава Ярославича сделается *Олегом* (в честь недавно перезахороненного Олега Святославича) и, наконец, старший из законнорожденных детей Изяслава будет наречен *Ярополком*. Отметим сразу же, что, несмотря на, казалось бы,

закономерную неприязнь Ярославичей к Святополку Окаянному, еще один сын Изяслава сделается *Святополком*. Он поначалу получит в удел то самое туровское княжество, которым в свое время Владимир Святой наделил его дядю и тезку, — стремление выразить преемственность власти в преемственности в именах в 50-е годы XI в. оказалось важнее, нежели приписываемая Святополку Окаянному роль в убийстве Бориса и Глеба. Агиографическая традиция должна была полностью сформироваться и просуществовать некоторое время, чтобы князья окончательно перестали называть *Святополками* своих отпрысков.

Ярополк Изяславич (в крещении *Петр*), внук Ярослава Мудрого, был, как известно, предательски убит людьми из собственного окружения [ПСРЛ (1): 206]. Вполне вероятно — учитывая описание его кончины и посмертной судьбы в летописи — что он какое-то время почитался местно. Все это заставляет задуматься, не попало ли его имя за пределы династии по особой, так сказать, борисоглебской модели, в качестве крестильного. Однако в сонм широко почитаемых святых, насколько мы можем судить по дошедшим до нас данным, Ярополк Изяславич не входил, и — что еще более существенно — его имя вплоть до Нового времени ни в каких церковных месяцесловах не фиксируется. Иначе говоря, нет никаких следов того, что его имя прошло даже второй этап трансформации из некалендарного в христианское, и уж тем более нет никаких оснований считать, что оно использовалось при крещении конкретных людей на Руси. Таким образом, приходится признать, что имя *Ярополк* остается лишь принадлежностью родового мира, не превращаясь в христианское, и у нас — сколь бы ни был соблазнителен такой путь — нет оснований рассматривать его в рамках той же модели, что и бытование имен *Вячеслав* или *Борис*.

Вскоре после кончины Ярополка Изяславича Владимир Мономах, возможно, не без стремления отвести от себя подозрения в причастности к гибели кузена, называет *Ярополком* одного из своих сыновей от первого брака. Этот Ярополк Владимирич (его крестильного имени мы не знаем) достиг вершины княжеской карьеры, успев побывать на киевском столе, и принадлежал к числу тех правителей Руси, которые вызывали известную симпатию летописца, сообщавшего об их деяниях, при этом собственных наследников мужского пола у него, судя по всему, не было — киевский стол после его кончины уходит из семьи Мономаха к Всеволоду Ольговичу, а на очередном витке княжеской усобицы, начавшейся после смерти последнего, фигуре покойного Ярополка, по всей видимости, не отводилось сколько-нибудь значимой роли.

Возможно, благодаря совокупности этих обстоятельств на следующем этапе своего бытования имя *Ярополк* подвергается своего рода маргинализации. Его обладателями оказывается не столь уж малое число князей, но все они были далеки от первых ролей в династии. Ярополк Андреевич и Ярополк Мстиславич (Мономаховы внуки, явно нареченные в честь своего дяди), Ярополк Изяславич, внук Мстислава Великого, и Ярополк Романович, внук Ростислава Смоленского, приходящийся Мстиславу Великому правнуком, Ярополк Ростиславич, внук Юрия Долгорукого, Ярополк Ярославич, внук Всеволода Ольговича, и Ярополк Юрьевич, сын Юрия Ярославича Туровского, — все это младшие сыновья, сыновья младших сыновей, не слишком удачливые

племянники влиятельных дядьев, происходящие из разных ветвей разрастающегося княжеского рода. При этом никак нельзя проигнорировать тот факт, что имя *Ярополк*, тем не менее, просуществовало в династии вплоть до конца XII в., хотя круг его обладателей из числа князей со временем заметно сузился.

В то же время мы находим этот антропоним у двух человек, которые никогда не были русскими князьями, причем оба этих ономастических казуса весьма любопытны и выразительны. Самая большая сложность с ними обоими заключается, пожалуй, в том, что два Ярополка не-Рюриковича — половецкий князь Ярополк Томзакович и галицкий боярин Ярополк, брат Володислава и Яволода, — получили свои имена в ту пору, когда это имя еще не ушло полностью из антропонимикона правящего дома. Галицкий Ярополк фигурирует в летописи под 1208 и 1211 гг., а Ярополк Томзакович еще ранее, под 1190 г. Последнее же упоминание в летописи князя по имени *Ярополк* приходится на 1196 г., так что интересующие нас персонажи должны были появиться на свет при его жизни.

Сам по себе этот факт — чрезвычайно знаменателен. В определенном смысле он служит одной из ранних примет того постепенного разрушения системы княжеского имянаречения, более заметные признаки которого будут явлены в первые десятилетия XIII в. Как же осуществлялся выход имени *Ярополк* за пределы династии?

Об обстоятельствах проникновения этого антропонима в половецкую княжескую среду нам уже приходилось писать [Литвина, Успенский 2020а: 209–375]. Сейчас же постараемся сосредоточиться на фигуре Ярополка из Галича. Он был одним из братьев Володислава, человека редкостной для Древней Руси судьбы, которому удалось, не будучи князем по рождению, пусть и на короткое время сесть на галицкий стол. Происхождение этих братьев также охарактеризовано в летописи весьма выразительно — Володислав регулярно именуется *кормиличичем* [ПСРЛ (2): 724], и исследователи полагают, что его отец был кормильцем при князе Владимире Ярославиче Галицком [Грушевський 1904–1922 (3): 50]. В Галицкой же летописи сообщается, в частности, что Володислав был некогда изгнан из города князем Романом Мстиславичем, удачливым соперником Владимирова потомства. Замечательно, что причиной изгнания объявляется приверженность Володислава к Игоревичам, отпрыскам еще одной княжеской ветви, новгород-северских князей — сыновей Игоря, героя «Слова о полку Игореве».

Судя по летописному рассказу, братья Володислава — интересующий нас Ярополк и Я(с)волод — во всем его поддерживали, а соответственно, много сказанного о Володиславе может быть перенесено и на них. Какие же характеристики этой семьи важны в перспективе имянаречения?

Во-первых, именно в рассказе об этих кормиличичах эксплицируется одновременно и непреодолимость барьера между князьями и некнязьями особого статуса, и возможность его преодоления в кризисной ситуации — повествователь неоднократно отмечает, что даже враждующие Рюриковичи готовы объединиться ради избавления от некнязя, севшего на княжеский стол; неприемлемой такая ситуация предстает и с точки зрения нарратора. Тем не менее заполучить княжеские привилегии Володиславу все же удается.

Во-вторых, столь же эксплицитно мы узнаем, что дети княжеских кормильцев располагают своеобразными потомственными правами на поддержку, исходящую от Рюриковичей. Права такого рода не теряют силы, даже если

их непосредственный покровитель сходит с исторической сцены, причем при оказании поддержки могут актуализироваться связи русских князей по женской линии. Так, в свое время дети кормильца Владимира Галицкого оказались связаны с сыновьями князя Игоря Новгород-Северского, потому что эти Игоревичи были сестричичами Владимира. Чтобы подобная поддержка утратилась, нужны некие экстремальные обстоятельства — например, едва ли не главной карой для Володислава, занявшего галицкий стол, с точки зрения летописца является тот факт, что после его смерти никто из князей не захотел принять на попечение его детей:

> …и ѧ Володислава . в Галичи заточи и . и в томь заточеньи оумре . нашедъ зло племени своемоу . и дѣтемь своимъ . кнѧжениѧ дѣлѧ . вси бо кнѧзи не призрѧхоу дѣтии его [ПСРЛ (2): 718–719].

И, наконец, в-третьих, нельзя не обратить внимание на то собственно антропонимическое решение, которое было принято, когда ни один из братьев еще и не думал претендовать на не полагающиеся ему властные полномочия. Имена им подбираются таким образом, что собственно княжеским было лишь одно из них, но почти все используемые здесь элементы антропонимического конструктора входят в княжеские имена, а сами по себе имена всех троих не только соотносятся по созвучию, но как будто бы последовательно перетекают одно в другое (***Володи**-слав — Я(с)-**волод** — Яро-полк*).

В целом же можно сказать, что княжеское имя *Ярополк* воспроизводится в такой семье, у которой ее особая связь с княжеским домом — через воспитательство — манифестирована особенно зримо для двух или даже трех поколений. Иногда подобные связи элитарного рода с определенной семьей Рюриковичей поддаются вполне надежной реконструкции, но лишь изредка о них — как в данном случае — сообщается в летописи напрямую. С другой же стороны, властные амбиции этой семьи были столь велики, что для одного из ее представителей оказался возможным прорыв из состояния самой близкой для Рюриковичей элиты к собственно княжескому статусу. В самом деле, в летописи можно найти целый ряд примеров, когда дядька, кормилец, наместник или другое наделенное сходными полномочиями лицо фактически правит вместо малолетнего князя или манипулирует юными, а иногда и более зрелыми представителями династии, получает от князя в управление некие города или области. Однако ситуация, когда человек такого рода становится обладателем одного из ключевых княжеских столов, остается в полной мере уникальной.

Весьма любопытно, разумеется, какое место занимала в политической жизни Руси семья кормиличича Ярополка после того, как Володислав погиб, а Ярополк и Я(с)волод вынуждены были бежать в Венгрию. Вопрос этот тем более существенен, что ответ на него неразрывно связан с проблемой происхождения всех трех братьев. Попросту говоря, следует ли считать, что они были сыновьями или пасынками знаменитой «кормильчией Нездиловой» [ПСРЛ (2): 764–765], которая была привержена Судиславу настолько, что уговорила собственного зятя Давыда Вышатича сдать город. Если это так, то мы имеем дело с могущественным некняжеским кланом, который включает в себя кровных родственников и свойственников и продолжает вершить судь-

бы целого края, невзирая на предшествующие катастрофы в жизни отдельных своих представителей. При таком сценарии перед нами — настоящая боярская династия, проявляющая ту коллективную непотопляемость, которая обычно является отличительной чертой династии княжеской.

Однако если кормилец Нездил с женой и не были родителями Володислава, Ярополка и Я(с)волода, мы имеем дело с не менее интересной картиной сложно переплетающихся союзов между людьми, чье могущество строится на связи с правящим домом узами искусственного родства. В таком случае оказывается, что опекуны, кормильцы и кормиличичи разных князей формируют целую систему альянсов, от которых зависят победа или поражение очередного Рюриковича во внутридинастической или междинастической борьбе. Помимо всего прочего, разнообразные возможности при толковании термина *кормиличич* заставляет задуматься, не могли ли некоторые из таких княжеских приближенных-ровесников быть не только сыновьями княжеских воспитателей, но и молочными братьями князей, сыновьями кормилиц. К сожалению, надежного ответа на этот вопрос не существует, однако благодаря появившемуся в Галицко-Волынской летописи образу тещи Давыда Вышатича мы убеждаемся, как уже говорилось, что в условиях конструируемого родства с князьями женщине из некняжеской семьи могла достаться весьма заметная политическая роль.

В целом же следует отметить, что прорыв к угасающему, но все еще действующему элементу княжеского антропонимикона — имени *Ярополк* — происходит в той же семье, что и прорыв к княжеской власти. Не менее существенно, что обстоятельства этого антропонимического порыва значительно смягчены. Как известно, право на власть в русском княжеском роду обыкновенно передается по мужской линии, по мужской линии наследуются в первую очередь и династические имена. Ни у Владимира Галицкого, ни у Игоря Новгород-Северского — князей, наиболее близких нашим кормиличичам при рождении и в ранней юности, — не было ни детей, ни отцов, ни дедов, ни прадедов, ни даже родных дядьев с именем *Ярополк*. Иными словами, дети кормильца не перехватывали наследственный именослов своих непосредственных покровителей Рюриковичей. С другой стороны, одним из последних (если не самым последним) Ярополком был двоюродный брат Владимира Галицкого по матери — Ярополк Ростиславич, не особенно выдающийся в династическом отношении внук Юрия Долгорукого. О его судьбе и взаимоотношениях с кузеном известно так мало, что утверждать что-либо наверняка о его антропонимическом донорстве или о намеренном установлении связей между родственниками по женской линии и «родственниками» по воспитанию крайне затруднительно, но учитывать такую возможность, как кажется, все-таки следует.

* * *

Итак, обзор всей совокупности судеб княжеских имен за пределами династии позволяет еще раз убедиться, что барьер между имянаречением правящего рода и его подданных несомненно существовал, а в трансфере княжеских антропонимов просматривается как определенный ритм, так и определенные социальные закономерности. Действительно, практически всегда княжеское некалендарное имя может попасть к некнязьям только в ту пору, когда сами Рюриковичи перестают им пользоваться. Любое нарушение в этой области свидетельствует не только о локальном сбое в системе имянаречения, но и о

локальном сбое в системе передачи власти. Повешенные князья, княжеский стол в руках боярина — таковы экстраординарные события, определяющие политическую ситуацию, в которой живет человек, получивший хоть и маргинальное, но династическое имя чуть раньше, чем династия окончательно потеряла к нему интерес. Нет и речи о том, чтобы подобное нелегитимное присвоение антропонимов сделалось сколько-нибудь регулярной практикой.

Будучи по тем или иным причинам оставлены Рюриковичами, подавляющее большинство династических имен, по всей видимости, не только не пребывали бесхозными (явное исключение здесь — таинственное *Позвизд*), но довольно стремительно перенимались русской элитой. Создается впечатление (которое, впрочем, едва ли может быть строго верифицировано), что если после кончины того или иного князя его родичи-правители не спешили дать его имя кому-то из своих наследников, то их подданные как будто считали себя вправе забрать его себе, после чего имя переставало быть княжеским.

Складывается и некий собирательный образ той совершенно особенной категории лиц, которые подхватывают княжеские антропонимы, и категория эта безусловно нуждается в дальнейшем исследовании. С первого взгляда очевидно, что это люди, максимально близкие Рюриковичам, зачастую связанные с ними узами искусственного родства, а иногда и вполне биологического родства по женской линии. Подобная близость обретает наследственный характер и передается из поколения в поколение. Эти лица располагают весьма широкими властными полномочиями, уступающими полномочиям лишь самих князей-династов, а в исключительных эпизодах почти уравниваются с ними. Связь такой верхушки элиты с определенным географическим локусом оказывается одновременно прочной и непрочной, подобно тому как это происходит у самих Рюриковичей. Представляется не вполне оправданным говорить о них как о боярах киевских, галицких или новгородских — сколь бы оседлой и привязанной к Новгороду или Галичу ни была определенная часть такой семьи, отдельные ее представители перемещались вместе со своими князьями и активно встраивались в жизнь нового региона. По всей видимости, князья порой нуждались в них не менее, чем они сами в князьях, — обращение за поддержкой к их оседлой части помогала князю освоиться и закрепиться на новом для него столе, тогда как более мобильная часть этого слоя придавала правителю собственный вес во всяком регионе и обеспечивала возможность благополучного перехода со стола на стол.

При всем том у исследователя Средневековья невольно возникает вопрос (несомненно значимый и для самого Средневековья) — откуда брались такие сверхэлитарные семьи? Каково их происхождение? Каким образом представители некоторых родов регулярно становятся княжескими дядьками и кормильцами, влиятельнейшими советниками, воеводами и наместниками? Почему, с другой стороны, лишь немногие, но явно одни и те же семьи становятся поставщиками княжеских невест наряду с иноземными правителями и самими Рюриковичами?

Этот сложный и, на наш взгляд, очень важный для ранней истории Древней Руси вопрос о выделенной элите, разумеется, не может быть разрешен без дальнейшего исследования. Сейчас мы бы лишь рискнули указать на возможность его связи с проблемой собственно ономастической — откуда, собственно, первые поколения русских князей брали новые имена для своих наследников? Вспомним, как много ввел в оборот таких антропонимов Владимир Свя-

той, сочтя их в известном смысле более важными и актуальными, чем имена своих деда и прадеда, Игоря и Рюрика. Для князя, который начинал свой путь как рано осиротевший бастард, да и еще младший среди братьев, опора на родню по материнской линии, на влиятельных воевод, на семьи своих многочисленных сыновей и/или их воспитателей была едва ли не единственной возможностью компенсировать весьма ощутимые для него поначалу изъяны в легитимности его власти на огромной территории. Кажется естественным допустить, что именно в его время была заложена долгосрочная близость рода, на глазах сконцентрировавшего всю власть над страной в своих руках, с другими знатными семьями, без поддержки которых трудно было бы обойтись и всем последующим князьям.

Иными словами, можно предположить, что хотя бы некоторые антропонимы или их компоненты-основы, не фиксировавшиеся прежде в роду Владимира, такие, например, как *Мстислав*, *Всеволод*, *Борис*, *Глеб*, *Вышеслав*, *Станислав*, *Судислав*, *Позвизд*, были позаимствованы из тех семей, с кем Владимир добивался сконструированного родства или родства через матримониальный союз. Коль скоро соответствующим именам суждено было закрепиться у Рюриковичей, они не могли более использоваться никакими другими семьями, в том числе и теми, откуда они пришли. Если же в княжеском антропонимиконе они по тем или иным причинам не приживались, то раньше или позже они возвращались в первоначальную среду своего обитания. Семья же, из которой такое имя происходило, раз и навсегда оказывалась связана с правящей династией, и именно такие роды могли бы сделаться естественным источником особых лиц при правителе, юном и взрослом. Разумеется, подобная гипотеза нуждается в дальнейшем достраивании, а настоящая работа может послужить для него лишь отправной точкой.

Источники

Абрамович 1911 — Патерик Киевского Печерского монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд. Имп. Археограф. комиссии, 1911.

Востоков 1843 — Остромирово Евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста Евангелий и грамматическими объяснениями / Изд. А. [Х.] Востоковым. СПб.: Тип. Акад. наук, 1843. (Репринт: М.: Языки славян. культур, 2007).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–43. СПб./Пг./Л.: М.: Тип. Э. Праца; и др., 1841–2009. [В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание].

Литература

Гимон 2013 — *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г. В. Глазырина. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 65–117.

Гиппиус 2001 — *Гиппиус А. А.* «Суть люди новгородци от рода варяжьска...» (Опыт генеалогической реконструкции) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001: Материалы конф. / [Отв. ред. Е. А. Мельникова]. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2001. С. 59–65.

Гиппиус 2006 — *Гиппиус А. А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and chronology / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2006. P. 93–108.

Гиппиус, Михеев 2019 — *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.

Грушевський 1904–1922 — *Грушевський М.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Львів; Київ; Відень: З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка, під зарядом К. Беднарского; и др., 1904–1922. (Репринт: Київ: Наук. думка, 1991–1994).

Зализняк 2004 — *Зализняк А. А*. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славян. культуры, 2004.

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б*. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006.

Литвина, Успенский 2020a — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020.

Литвина, Успенский 2020b — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Судьбы варягов на Руси XI–XII вв.: (Якун Слепой, Шимон/Симон и его сын Георгий) // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 1. С. 76–101.

Литвина, Успенский (в печати) — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Мирослав — боярин киевский? (В печати).

Молчанов 1997a — *Молчанов А. А.* Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии: Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников: В 2 т. СПб.; Псков: Невельская тип., 1997. Т. 2. С. 80–84.

Молчанов 1997b — *Молчанов А. А.* Скандинавские выходцы среди феодальной элиты Северной Руси (потомки ярла Рёгнвальда Ульвссона в Ладоге и Новгороде) // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск: [б. и.], 1997.С. 136–138.

Поппэ 1997 — *Поппэ А.* Феофана Новгородская // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16) / Отв. ред. Э. А. Гордиенко, В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 102–120.

Пресняков 1908 — *Пресняков А. Е.*Кормилец, воевода, тысяцкий // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 13. Кн. 1. 1908. С. 148–174.

Янин 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв.: В 2 т. М.: Наука, 1970.

Dąbrowski 2012 — *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna. Kraków: Avalon, 2012.

Gippius 2014 — *Gippius A. A.* A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à laRous ancienne / Sous la dir. de P. Bauduin, A. E. Musin. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 383–392.

Musin 2014 — *Musin A. E.* Appendix: Hypothetical genealogical stemma of the Rogvolodichi of Novgorod // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à laRous ancienne / Sous la dir. de P. Bauduin, A. E. Musin. Caen: Presses universitaires de Caen, 2014. P. 393–396.

References

Dąbrowski, D. (2012). *Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna.* Avalon. (In Polish).

Gimon, T. V. (2013). Ian' Vyshatich i ustnye istochniki drevnerusskoi Nachal'noi letopisi [Ian Vyshatich and oral sources of the Old Russian Primary Chronicle]. In G. V. Glazyrina (Ed.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2011 god: Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste* (pp. 65–117). Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke. (In Russian).

Gippius, A. A. (2001). "Sut' liudi novgorodtsi ot roda variazh'ska..." (Opyt genealogicheskoi rekonstruktsii) ["They are Novgorodian people of Varangian descent…" (An attempt at genealogical reconstruction)]. In E. A. Mel'nikova (Ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Genealogiia kak forma istoricheskoi pamiati: XIII Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 11–13 aprelia 2001: Materialy konferentsii* (pp. 59–65). Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russian).

Gippius, A. A. (2006). Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei) [A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom (towards further development of A. A. Molchanov's hypothesis concerning the descent of the Giuriatinichi-Rogovichi *posadnik*s family]. In J. Nuorluoto (Ed.). *The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and chronology* (pp. 93–108). Helsinki Univ. Press. (In Russian).

Gippius, A. A. (2014). A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom [A Scandinavian trace in the history of the Novgorod Boyardom]. In P. Bauduin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 383–392). Presses universitaires de Caen.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2019). Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor [Graffiti inscriptions in the church of the Annunciation in Gorodishche: A preliminary overview]. *Arkhitekturnaia arkheologiia, 2019*(1), 35–54. (In Russian).

Hrushevs'kyi, M. (1904–1922). *Istoriia Ukraïny-Rusy* [The history of Ukraine-Rus'] (11 Vols., 12 Books). Z drukarnï Naukovoho Tovarystva imeni Shevchenka, pid zariadom K. Bednarskogo, et al. (Reprint: Naukova dumka, 1992–1994). (In Ukrainian).

Ianin, V. L. (1970). *Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv*. [The bullae of Old Rus' in the 10th–15th c.] (2 Vols.). Nauka. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (forthcoming). *Miroslav — boiarin kievskii?* [Was Miroslav a Kyiv boyarin?]. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of names among Russian princes in the 10th–16th cc.: Dynastic history from an anthroponymic perspective]. Indrik. (In Russian).

Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020a). *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of pre-Mongol Rus']. Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).

Litvina A. F., & Uspenskij, F. B. (2020b). Sud'by variagov na Rusi XI–XII vv.: (Iakun Slepoi, Shimon / Simon i ego syn Georgii) [Varangian lives in 11th–12th cc. Rus': (Iakun the Blind, Shimon / Simon and his son Georgii)]. *Vestnik RGGU*, Ser. *Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia, 2020*(1), 76–101. (In Russian).

Molchanov, A. A. (1997a). Iarl Regnval'd Ul'vsson i ego potomki na Rusi (o proiskhozhdenii ladozhsko-novgorodskogo posadnich'ego roda Rogovichei-Giuriatinichei) [Jarl Regnvald Ulvsson and his descendants in Rus' (concerning the lineage of the Rogovichi-Giuriatinichi *posadniks* family of Lagoda and Novgorod)]. In. N. Kirpichnikov (Ed.). *Pamiatniki stariny: Kontseptsii. Otkrytiia. Versii: Pamiati Vasiliia Dmitrievicha Beletskogo, 1919–1997* (Vol. 2, pp. 80–84). Nevel'skaia tipografiia. (In Russian).

Molchanov, A. A. (1997b). Skandinavskie vykhodtsy sredi feodal'noi elity Severnoi Rusi (potomki iarla Regnval'da Ul'vssona v Ladoge i Novgorode) [Scandinavian natives in the feudal elite of North Rus' (the descendands of jarl Regnvald Ulvsson in Lagoda and

Novgorod)]. In *XIII Konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka skandinavskikh stran i Finliandii: Tezisy dokladov* (pp. 136–138). [N. e.]. (In Russian).

Musin, A. E. (2014). Appendix: Hypothetical genealogical stemma of the Rogvolodichi of Novgorod. In P. Bauduin, & A. E. Musin (Eds.). *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* (pp. 393–396). Presses universitaires de Caen.

Poppe, A. (1997). Feofana Novgorodskaia [Feofana the Novgorodian]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik* (Vol. 6(16), pp. 102–120). Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Presniakov, A. E. (1908). Kormilets, voevoda, tysiatskii [Provider, voivode, tysyatsky]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk, 13*(1), 148–174. (In Russian).

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* [Old Novgorod dialect] (2nd ed.). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Анна Феликсовна Литвина
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
лаборатория лингвосемиотических исследований, Школа филологических наук, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, корп. 1
Тел.: +7 (495) 772-95-90
✉ *annalitvina@gmail.com*

Федор Борисович Успенский
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН
заведующий Лабораторией древнерусской культуры, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
главный научный сотрудник, Отдел лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Тел.: +7 (495) 695-26-97
✉ *fjodoruspenski@yandex.ru*

Information about the authors

Anna F. Litvina
Cand. Sci. (Philology)
Leading Research Fellow, Laboratory of Linguo-Semiotic Studies, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya Str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ *annalitvina@gmail.com*

Fedor B. Uspenskij
Dr. Sci. (Philology),
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Head of the Laboratory of Medieval Russian Culture, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Chief Research Fellow, History of Russian language Department, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Russia, 110019, Moscow, Volkhonka Str., 18/2
Tel.: +7 (495) 695-26-97
✉ *fjodoruspenski@yandex.ru*